

**Страницы истории Второй мировой войны.
Коллаборационизм: причины и последствия.**

**Материалы научной конференции.
Москва, 29 апреля 2010 г.**

**Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)**

**Страницы истории Второй мировой войны.
Коллаборационизм: причины и последствия.**

**Материалы научной конференции.
Москва, 29 апреля 2010 г.**

**Москва
2010**

ББК 63.3(0)621,01

УДК 355.44:344.131(100)"1939/45"

Редколлегия:

*Затулин К.Ф. (научный руководитель), Александров М.В. (отв. редактор),
Егоров В.Г., Курганская В.Д., Полникова О.В.*

Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия. Материалы научной конференции. Москва, 29 апреля 2010 г. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2010. – 120 с.

ISBN 5-94293022-8

Данная книга представляет собой сборник докладов и выступлений участников международной конференции «Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия», состоявшейся в Москве 29 апреля 2010 г. в преддверие 65-ой годовщины победы в Великой Отечественной войне.

В опубликованных материалах содержится разнообразный, в том числе уникальный, фактический материал по проблеме коллаборационизма в годы Второй мировой войны на территории СССР, в Западной Европе и на Балканах.

Авторы дают глубокий и разносторонний анализ проблемы коллаборационизма, делают интересные оценки и выводы, показывая связь этого явления с современными политическими процессами на постсоветском пространстве и в Европе в целом.

Книга адресована как специалистам – историкам, политологам, политикам, журналистам, дипломатам, так и всем интересующимся историей Второй мировой войны и ее влиянием на нынешнее состояние международных отношений.

ISBN 5-94293022-8

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2008
Перепечатка материалов (частичная
или полная) разрешается только
после согласования с Институтом
стран СНГ

Содержание

Введение.....	4
К.Ф. Затулин. Вступительное слово.....	6
М.Л. Касьян. Социологическое исследование: «Восприятие украинцами второй мировой войны».....	11
Б.Н. Ковалев. Причины коллаборационизма в России в годы Великой Отечественной войны.....	15
П.П. Толочко. Память о войне в Украине.....	23
Л.П. Решетников. Любовь к Родине выше классовой ненависти: позиция русской эмиграции в годы войны.....	27
В.Н. Воронин. Украинские коллаборационисты и их «оранжевые» наследники.....	33
В.И. Петрушко. Униатский коллаборационизм на Украине в годы Второй мировой войны.....	37
В.В. Колесниченко. Бои за историю: о формах и методах противодействия фальсификации истории на Украине....	42
С.М. Назария. Молдавский коллаборационизм в годы Второй мировой войны и сегодня.....	47
Н. Брэндал. Политико-правовой процесс: зачистка коллаборационистов и восстановление демократии в Норвегии после Второй мировой войны.....	59
В.И. Гуцин. Идеология латышского радикального национализма как причина коллаборационизма в период нацистской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. и пересмотра итогов Второй мировой войны после 1991 года.....	65
С.И. Дробязко. Русский коллаборационизм 1941–1945 гг. как рецидив Гражданской войны.....	70
Н. Терри. Коллаборационизм на оккупированной немцами территории России и Белоруссии как форма гражданской войны.....	80
А.В. Беляев. Коллаборационизм постсоветской белорусской историографии: современное состояние проблемы.....	85
М. Гаше. Роль коллаборационистов северной и северо-западной Европы в обосновании нацистской доктрины «единого германского наследия».....	92
В.А. Содоль. Деструктивная церковная политика Румынии в губернаторствах Бессарабия и Транснистрия в 1941–1944 гг.	96
А.А. Печенкин. Советские генералы в плену.....	101
В. Mlakar. The problems of collaboration in Yugoslavia during the Second World War.....	107

Введение

29 апреля в режиме видеомоста в московском и киевском офисах РИА «Новости» прошла научная конференция «Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия». Мероприятие проходило под эгидой Института стран СНГ в партнерстве с РИА «Новости» и Россотрудничеством.

В Москве в конференции приняли участие директор Института стран СНГ, депутат ГД РФ К. Затулин; директор Российского института стратегических исследований Л.П. Решетников; профессор Новгородского университета Б. Ковалев; доцент Белорусского национального технического университета А. Беляев; эксперт Церковно-научного центра «Православная энциклопедия» В. Петрушко; военный историк, писатель С. Дробязко; директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований (Латвия) В. Гуцин; научный сотрудник Хельсинского университета (Финляндия) М. Гаше; доцент Приднестровского университета В. Содоль и другие эксперты из России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

В Киеве участниками конференции стали директор Украинского филиала института стран СНГ В.Корнилов; министр образования и науки Украины Д.Табачник; писатель-историк О.Бузина; директор Института археологии НАН П. Толочко; народный депутат Украины, председатель организации «Русскоязычная Украина» В.Колесниченко; проректор Академии управления МВД Украины А.Чайковский; замдиректора компании «R&V Group» М.Касьян и др.

Вниманию собравшихся были представлены результаты национального исследования «65 ЛЕТ Великой Победы. Вторая Мировая Война глазами украинцев», проводившегося компанией «R&V Group» с 13 по 22 апреля 2010.

Доклады выступавших были посвящены психологии коллаборационистов; сходству и особенностям коллаборационизма в Белоруссии, Молдавии, Украине (в том числе и униатского),

Прибалтике, странах Центральной и Восточной Европы, а также современным попыткам оправдать, реабилитировать коллаборационистов, пересмотреть итоги Второй мировой войны в угоду отдельным политическим интересам и поиску путей, которые бы позволили совместными усилиями преломить эти тенденции.

Большое внимание было также уделено устойчивым мифам о войне и легковёрности, тех, кто их повторяет и необходимости сохранить историческую правду о тех годах.

Собравшиеся отмечали актуальность выбранной темы конференции в преддверие интернационального праздника – 65-летия Победы во Второй мировой войне.

Вступительное слово

К.Ф. ЗАТУЛИН,
директор Института стран СНГ

Я хочу поприветствовать всех участников конференции, которую мы решили провести в преддверии юбилея Победы – 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Эта конференция проводится совместно Институтом стран СНГ, украинским филиалом Института стран СНГ и федеральным агентством «Россотрудничество», которое также приняло участие в организации конференции. Мы благодарны всем, кто помог ее проведению. Я, как в таких случаях бывает, забыл сказать о главных участниках и учредителях – это РИА «Новости», благодаря возможностям Российского Информационного Агентства «Новости» мы имеем сейчас повод и возможность общаться в режиме прямого диалога с украинской аудиторией, с городом Киевом, с нашими коллегами.

Итак, если говорить о регламенте и порядке проведения этой конференции, то у вас есть материалы, в которых все уже заранее распланировано, что не означает, что у нас нет места импровизации по ходу дела. Мы, по крайней мере, до часу, то есть в течение двух часов работаем вместе с нашими украинскими коллегами и заслушиваем поочередно, как мы договаривались, выступления и доклады из Москвы и Киева. Я хочу поприветствовать сейчас не только наших друзей в Киеве, но и наших гостей в Москве, которые приехали из разных стран мира – из Молдовы, из Норвегии, из Финляндии, из Латвии, из Великобритании, из Белоруссии. Мы очень признательны за то, что они откликнулись, поменяли свои планы. Мы хотим принести извинения за то, может быть, что они в самый последний момент узнали и вот они, несмотря на все эти обстоятельства, проявили заинтересованность, для того чтобы принять участие в нашей конференции.

Конференция называется «Страницы истории Второй мировой войны. Коллаборационизм: причины и последствия».

Я хочу обратить внимание на то, что вот именно эта тема стала в последнее время чрезвычайно злободневной и, конечно, в немалой степени благодаря тому, что делаются попытки нового прочтения истории далеко не всегда корректные, а иногда просто враждебные памяти победителей антигитлеровской коалиции – советского народа и народов, из которых он на самом деле состоял. Действительно, с образованием новых независимых государств, в том числе и Российской Федерации после распада Советского Союза, каждое из этих государств претендует на переосмысление истории, а некоторые на просто создание своей версии национальной истории. И в этом нет ничего необычного, мне кажется, что по этому пути шли очень многие народы и государства, которые обрели в тот или иной период истории независимость и суверенитет. То, что в таких случаях возможны всякого рода перегибы – тоже очевидно – какие-то на самом деле отступления от объективности исторической правды.

Но когда речь заходит об истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны – чрезвычайно болезненной и больной темы для старшего поколения, для всех, живущих на пространствах бывшего Советского Союза, нам кажется чрезвычайно опасным то, что в ряде государств, новых независимых государств в попытке написать собственную историю решили, что все, что до сих пор было сказано или написано, следует отвергнуть и поменять с плюса на минус – героев сделать предателями, врагов или коллаборационистов в нашем случае возвеличить и возвести в сан национальных героев.

Я хочу отметить, что, прежде чем иметь право говорить о каких-то чужих ошибках и недостатках, надо сказать о том, что и у нас в России эта тенденция тоже проявилась. Правда, ни на каком этапе развития Российской Федерации она официально не была поддержана. Государство, тем более политические деятели, руководители нашего государства не были каким-то образом замешаны в попытках переписать историю, продиктовать новую версию истории. Тем не менее, и у нас, как вы знаете, особенно в 1990 годы определенный простор получили довольно размашистые и поверхностные суждения. Некоторые из них продолжают еще, во всяком случае, в научной и научно-популярной литературе высказываться. Это суждения, связанные с тем, что надо переоценить роль Власова и власовцев, увидеть во власовском движении так называемой Русской Освободительной армии зародыш борьбы против тоталитарного советского строя и так далее.

Я не буду сейчас подробно говорить об этом во вступительном слове, хочу лишь сказать, что лично для меня это неприемлемо, как неприемлемо и то, когда те или иные люди, запятнавшие себя сотрудничеством с нацизмом, возводятся в ранг отцов национальной независимости. Но вот, например, сегодня в «Независимой газете» Гавриил Попов, решил вновь высказаться на тему, связанную с войной. Название статьи – «Великая Отечественная – это не знамя над Рейхстагом». Гавриил Харитонович Попов, который является президентом Международного университета в Москве имеет, как вы знаете, свой оригинальный взгляд на Власова и «власовщину». Он считает, что Власову надо ставить памятник, сооружая его рядом с Сахаровым, что это борец против Сталина. И вот в таком духе эта статья написана. То есть, я хочу просто обратить внимание на то, что борьба – за интерпретацию истории продолжается. И она далеко не завершена даже в России.

Если вспомнить историю Второй мировой войны, то все эти попытки доказать, что неожиданное возвращение того же генерала Власова к богу и церкви, во всяком случае, на словах, после пленения германскими войсками, после сдачи в плен, а затем и его пропагандистские материалы, в которых он пытался предложить своим соотечественникам вместе бороться с большевиками, сотрудничать в этом смысле с Гитлером ради будущего России, на самом деле, ничем другим, кроме как попыткой оправдания совершенного предательства и сотрудничества с врагом, не являются. Вот эти все прекраснодушные идеи, на самом деле, очень легко разоблачить, хотя бы проследив путь тех самых воинских формирований и соединений, которые были сформированы и на Украине, и в Белоруссии, и в России, на территории бывшего Советского Союза, или, допустим, на территории оккупированных стран Европы, где как раз вот этот контингент коллаборационистов использовался на самых черных, на самых отвратительных работах. Всем специалистам прекрасно известно о подвигах бригады Бронислава Каминского во время подавления Варшавского восстания. Его зверства против польского населения в ходе подавления этого восстания, и даже против немецкого населения в Польше, привели к тому, что он же был и расстрелян гитлеровцами. Всем прекрасно понятно, почему казачьи станы, которые согласились служить гитлеровцам, были отправлены в Италию, или, допустим, использовались против третьих стран – Югославии или еще где-то, для того, чтобы подавлять стремление этих народов к освобождению от оккупации. На самом деле, во Второй

мировой, Великой Отечественной войне, по-настоящему не было третьего пути и третьей силы, вступив на какой-то путь, по разным соображениям, человек или политическая сила, или просто группа людей, неизбежно оказывались в каком-то из двух лагерей – или в лагере Гитлера, или в лагере антигитлеровской коалиции.

В этой связи я хочу привести один только пример того, как в сходных условиях ведут себя народы, на мудрость которых можно полагаться. Они доказали это своей тысячелетней историей. Как вы знаете, в момент, когда шла Вторая Мировая война Индия оставалась территорией, подчиненной Великобритании, входила в состав Британской Империи, и тогда уже достаточно широкое значение приобрела борьба за независимость, деятельность Индийского Национального Конгресса – в 1930 – в 1940 годы она охватила широкие круги и слои населения в Индии. Тем не менее, когда началась война и началась японская агрессия в Юго-Восточной Азии, подавляющее большинство тех, кто протестовал против британского владычества в Индии, приняли участие на стороне Великобритании в отражении японской агрессии. Были, мы можем сказать, при этом и те, кто на самом деле сделал другой выбор – можно вспомнить Чандра Боса – одного из лидеров Индийского Национального Конгресса, который вступил на путь сотрудничества с японцами, были индийские войска, которые сотрудничали и воевали вместе с японцами против англичан и против своих же соотечественников на подступах к Индии. Как вы знаете, или может быть, я об этом напомним – лидер этого крыла Индийского Национального Конгресса, в конце концов, оказался в фашистской Германии, а после всех событий на подводной лодке был эвакуирован в Японию. Я лично был в храме Ясукуни два года назад и видел там могилу Чандра Боса, но я не видел ни цветов, ни венков от Индии – от посольства или каких-то соотечественников из Индии, которые бы таким образом прославляли его память. В истории Индии нет такого национального героя, его имя вычеркнуто из национально-освободительной борьбы, а путь, по которому он шел и призывал своих единомышленников, признан порочным.

Я не хочу дальше продолжать на эту тему, думаю, что сегодня среди вопросов, которые мы могли бы обсудить есть целый ряд вопросов вполне практических. Мне как депутату Государственной Думы Российской Федерации важно подчеркнуть, что у нас в российском Парламенте внесен проект закона о борьбе с попытками опровергнуть, опротестовать

решения Нюрнбергского трибунала – этот законопроект внесен группой руководителей фракции «Единая Россия». Мы уже полтора года работаем в Государственной Думе над более пространным и более сложным законом, который в рабочем варианте называется «О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Советского Союза нацизма, нацистских преступников и их пособников» – о мерах Российской Федерации по противодействию этому. Данный закон достаточно деликатный, он вызывает много споров, тем не менее, я просто, говоря об этом, хочу подчеркнуть, что задача стоит не только в научной плоскости, она уже воспринята политическими кругами, по крайней мере, у нас в России и обсуждается на уровне национального парламента.

Я хотел бы представить тех, кто вместе со мной в этом большом президиуме находится – это Михаил Александров, заведующий отделом Института стран СНГ, это Леонид Гамза, руководитель Департамента федерального агентства «Россотрудничество», Леонид Решетников, директор Российского института стратегических исследований и Владимир Жарихин, заместитель директора Института стран СНГ.

Социологическое исследование: «Восприятие украинцами второй мировой войны»

М.Л. КАСЬЯН,
Эксперт компании «Research & Branding Group»

Мы представляем результаты национального исследования, которое было проведено в Украине во всех регионах, в 24 областях и в автономной республике Крым. Целью данного исследования было – посмотреть как же жители Украины, непосредственно люди, относятся к тем или иным персонам, к тем или иным явлениям Второй Мировой войны. И, на наш взгляд, эти данные достаточно интересные показывают, насколько Украина разная. Мы вашему вниманию представим некоторые акценты, сделаем некоторые акценты по разнице восприятия тех или иных явлений, отношения к тем или иным персонам в так называемых субрегионах Украины – Запад, Центр и Юго-восток.

Еще пару слов об исследовании – исследование было проведено с 13 по 22 апреля, выборка составила 2076 респондентов, исследование репрезентативное, были опрошены взрослые люди старше 18 лет. Первый вопрос – какая же из стран, по мнению украинцев, внесла наибольший вклад в разгром нацизма? Результаты исследования показали, что здесь жители всех регионов Украины практически единодушны – более 80 процентов, например, на Западе Украины считают СССР – страной, которая внесла наибольший вклад в разгром нацизма. На Юго-востоке, например, эти данные составляют более 90 процентов. Наиболее существенные потери от немецко-фашистских захватчиков, по мнению подавляющего большинства украинцев, причем всех регионов страны, понес именно украинский народ. Но это наверняка вполне объяснимо, поскольку Украина понесла огромные человеческие и материальные потери как

прямые, так и не прямые во время Второй Мировой войны. И аналогичная ситуация в отношении Беларуси и России.

Интересно отметить, например, что украинцы оценивают потери польского и еврейского народов ниже, чем это было в реальности. Что касается данных – народы, которые понесли наибольшие потери от немецко-фашистских захватчиков: более 87 процентов считают, что это именно украинский народ, около 80 процентов – русский, около 56 процентов – белорусский.

Следующий момент, на котором нам хотелось бы сделать акцент – это оценка украинцами значимости вклада того или иного народа в общей победе во Второй Мировой войне. Итак, по субъективной оценке украинцев, значимость вклада того или иного народа в общую победу – можно выделить следующие группы народов: первая группа – это украинцы, русские и белорусы, поскольку эти народы понесли как раз самые большие потери, составили костяк Красной армии и вынесли на себе основную тяжесть. Значимость вклада этих народов оценивается однозначно высоко жителями Украины, то есть в целом значимый вклад, например, украинцев – 98 процентов, русских – 98, белорусов – 94 процента.

Вторая группа народов – это польский и американский народы, вклад которых жителями Украины оценивается скорее как значимый, нежели незначимый. Приведу пример, значимости поляков: 54 процента украинцев считают, что они внесли в целом значимый вклад. Американцы – 51 процент. И третья группа – это народы, вклад которых оценивается украинцами скорее как незначительный, нежели значимый в общей победе во Второй Мировой войне, и составляет менее 50 процентов, по мнению жителей Украины.

Украинцы единодушны во мнении, что истинными героями Второй Мировой войны являются скорее не отдельные персоны, а народ в целом, рядовые солдаты. Более 35 процентов украинцев считают, что это народ, рядовые солдаты. Причем этот вопрос был открытым, и респондентам предлагалось самим назвать какие-то фамилии, самим назвать представителей той или иной стороны, которых они относят к героям. Ну пожалуй, выделяется здесь только фигура Жукова, которая была названа 30 процентами всех жителей Украины самостоятельно как истинным героем Второй Мировой войны. Например, фигура Сталина была названа 8 процентами жителей Украины, причем здесь существуют региональные различия достаточно существенные, например, если Жукова называли на Западе 13 процентов людей, то на Юго-востоке – около 30, Сталина – 3 процента на Западе, на Юго-востоке около – 10.

Следующий момент, на котором, на наш взгляд, стоит остановиться – это роль Сталина, которую сыграл он в победе над нацистской Германией. Роль Сталина в сравнении, например, с Жуковым воспринимается украинцами неоднозначно, существуют довольно-таки существенные региональные различия. Роль Сталина как ведущую оценивают 29 процентов украинцев в целом, причем количество считающих, что роль Сталина ведущая в победе над нацистской Германией возрастает с Запада на Юго-восток Украины. Как значительную роль Сталина оценивают 44 процента жителей Украины. Причем опять же возрастают данные с Запада на Юго-восток, но незначительно.

Учитывая то, что Украина была оккупирована во время Второй Мировой войны, конечно же, на ее территории имело место такое явление как коллаборационизм, и в данном исследовании мы как раз тоже попытались выяснить отношение украинцев к подобному явлению. Итак, с одной стороны, мы увидели, что в украинском обществе есть понимание той ситуации, причин и мотивов подобного поведения, то есть сотрудничества с оккупантами, с другой стороны, в украинском обществе существует непримиримое отношение к самому явлению и его конкретным проявлениям.

Итак, данные показали, что более половины украинцев согласны с тем, что это было зачастую единственным способом выжить: 53 процента согласились с подобным суждением. Второй момент – люди, которые формально сотрудничали с немецкими оккупантами, на самом деле помогали своим соотечественникам – с этим согласились около 50 процентов респондентов, не согласились порядка 23. Но при этом каждый второй украинец отметил, что сам никогда бы не сотрудничал с оккупантами, а каждый третий, что тоже довольно интересно, затруднился ответить на данный вопрос. Как следствие, относительно большинство украинцев считает, что сотрудничество с оккупантами все-таки нельзя прощать.

Здесь мы отметили при анализе достаточно интересные региональные различия – итак, по вопросу: сотрудничество с немецкими оккупантами зачастую было единственным способом выжить – на Западе соглашались больше, чем на Юго-востоке – 64 процента относительно 48. И мнение по поводу того, что данное явление нельзя прощать – также есть достаточно весомые региональные различия: согласны с тем, что это ни в коем случае нельзя прощать большее количество на Юго-востоке, чем, например, на Западе – Юго-восток порядка 60 процентов, Запад – 33.

Вопрос по поводу воинов ОУН-УПА довольно-таки спорный в украинской истории и до сих пор трактуется в разных регионах по-разному, высказываются разные мнения, так вот в украинской истории одним из примеров проявления коллаборационизма можно считать деятельность УПА. В восприятии украинцев данная организация воевала скорее на стороне Германии против Красной армии, чем и против Германии и против Красной армии на стороне украинского народа. С тем, что воины УПА воевали на стороне Германии против Красной армии, согласны порядка 47 процентов жителей Украины.

Причины коллаборационизма в России в годы Великой Отечественной войны

Б.Н. КОВАЛЕВ,
доктор исторических наук, профессор
Новгородского государственного университета

Захватив в 1941–1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила здесь жестокий оккупационный режим. Гитлеровские военные органы привлекали российское гражданское население, подконтрольное им, на принудительные работы по обеспечению нужд вермахта и рейха; была введена широкая система конфискаций и реквизиций.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры». Участие граждан СССР в войне на стороне нацистской Германии советской стороной изначально замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребренников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...».

Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война – не гражданская война. Это отечественная война.

Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев».

В словаре иностранных слов понятие «коллорабационист» объясняется следующим образом: «(от французского – *collaboration* – сотрудничество) – изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)».

Но уже в годы Первой мировой войны этот термин стал приобретать подобную трактовку и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену. Никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т.д. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

В нашей стране термин «коллорабационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стал употребляться лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник родины», «пособник». Хотя на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советским Сопротивлением еще в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Мы должны учитывать при рассмотрении этой проблемы социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к измене своей родине. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

Но в целом при характеристике различных форм сотрудничества советских граждан с нацистским оккупационным режимом для любого гражданина своей страны нет дилеммы:

были ли они патриотами или предателями. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага и с оружием в руках или, используя свой интеллект, воевавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут рассматриваться как патриоты. Они совершили преступление, за которое многие из них понесли заслуженное наказание.

Однако, вряд ли можно называть изменой в уголовно-правовом смысле этого слова так называемый «бытовой коллаборационизм», например: размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т. д.). Трудно обвинить в чем-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссежных дорог.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года содержал к началу войны ряд норм, содержание которых в принципе соответствовало злодеяниям гитлеровцев и их пособников. К ним можно отнести в частности ст. 193–28 «О разбое и грабеже в отношении населения», ст. 193–29 «О дурном обращении с пленными».

Кроме того, анализ соответствующих нормативных актов и материалов карательной практики Советского государства показывает, что к пособникам из числа советских граждан на всем протяжении рассматриваемого периода применялись п.п. «а» (для гражданских лиц) и «б» (для военнослужащих) ст. 58–1, а также и ст. 58–3 УК РСФСР в редакции 1926 г., а также аналогичные статьи УК других союзных республик.

Начало непосредственному уголовному судопроизводству в отношении нацистских преступников и коллаборационистов на территории Советского Союза положил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Исследователь Н.В. Петров уверен в том, что Указ был направлен не только и не столько против военных преступников из числа вражеских армий, сколько против советских граждан, уличенных в сотрудничестве с оккупантами.

Советским специальным и правоохранительным органам было необходимо для успешного ведения следствия по делам коллаборационистов дать личностный портрет преступника и, в частности, мотива их преступной деятельности. В большинстве случаев это было связано с неверием в победу Красной армии, ненавистью к Советской власти, местью государству или

конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации, национальной ненавистью. У некоторых людей имелась благодарность немцам за «освобождение от ига большевизма». Последнее чувство часто возникало под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Но при этом присутствовали желание самоутвердиться, садизм и трусость.

Наибольшее доверие оккупанты испытывали к людям, репрессированным при советской власти. Чекистские группы, действовавшие зимой 1941–1942 годов на территории Ленинградской области, докладывали в Центр о следующем: «Старосты подбираются из антисоветского элемента: бывших купцов, лиц духовного звания, предателей из числа финнов и эстонцев. В городе Любань старостами назначены:

1. Словцов М.А. – бывший певчий клироса (староста города).

2. Арсентьев Н. – родственники служили в жандармерии, староста участка.

3. Егоров В.Н. – состоял в церковной двадцатке.

В деревнях Красногвардейского района старостами стали бывший торговец, бывший белогвардеец, эстонец, финн».

Будучи допрошенной в качестве свидетеля о преступной деятельности своего мужа, второго бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 года, Раиса Морозова 15 ноября 1947 года показала: «Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, наконец, он дожил до времени, когда можно жить по-настоящему и есть возможность лично, собственными руками отомстить большевикам-паразитам. Мне также известно, что он обирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование».

Первым помощником Расторгуева являлся Иван Сергеевич Обтемперанский. Он сам пришел в городскую управу, где отрекомендовался как бывший штабс-капитан, имеющий награды (георгиевское золотое оружие и офицерские ордена), а также высшее образование. В подтверждение этих слов им были предъявлены дореволюционные фотографии. «И я», – сказал он, – «очень хочу устроиться на службу в полицию для более активной борьбы с большевиками и их пособниками».

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной армии, ненавистью к советской власти, местью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных

условиях нацистской оккупации, сделать карьеру при новой власти. Например, Новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарев, репрессированный в начале 30-х годов.

Но были и такие граждане, которые занимали определенное положение и при коммунистах. Так городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП(б) Грузинов. О работе этих людей заместитель бургомистра Смоленска Б.Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений».

Но не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировался нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением Вермахта с той или иной территории.

Немецкие оккупационные власти всеми возможными средствами пытались обеспечить себе влияние и поддержку среди населения в захваченных ими районах. Для того, чтобы привлечь на свою сторону людей, желающих сделать административную карьеру при новой власти, они создавали различные общества: Русское общество помощи немецкой армии, Русский комитет, Комитет народной помощи и другие. Деятельностью этих обществ и комитетов руководили органы СД, где вырабатывались уставы и программы данных организаций. Созданные немецким командованием организации, под каким бы названием они ни маскировались, ставили перед собой задачу распространения фашистской пропаганды и антисоветской литературы, призывая население к борьбе против СССР.

Советскими органами государственной безопасности было отмечено много случаев, когда бывшие репрессированные, вернувшиеся в свои деревни после прихода туда немцев, выдавали оккупантам активных участников раскулачивания и коллективизации. В сентябре 1942 года ими был задержан скрывавшийся от оккупантов председатель колхоза «Новый труд» из деревни Бойково Ашевского района Ленинградской области Е.Алексеев и его жена. Немцы отрубили им обоим сначала руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли.

Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало вербовать секретную агентуру из числа «жителей

пограничных районов или лиц, семьи которых пострадали от большевиков». Секретные агенты должны были контролироваться тайной полевой полицией.

Все вышеперечисленные лица встали на путь предательства, преследуя свои узкокорыстные цели. В условиях войны, голода и разрухи они надеялись занять какой-либо пост, самоутвердиться, получить за службу оккупантам значительный продовольственный паек и относительную безопасность для себя и своих близких. Ни о какой любви к родине, «стонущей под игом большевиков», естественно, говорить не приходится.

С июня 1942 года на страницах оккупационной печати появились воззвания, призывающие «всех честных русских граждан вступать в добровольческие отряды». Эти формирования по своему составу были крайне неоднородными. Кроме предателей, добровольно идущих на службу к оккупантам, там находились бывшие военнопленные и мирные жители. Последних принудили надеть вражескую форму при помощи системы террора, шантажа, подкупа, обмана и насильственной мобилизации. Пленным красноармейцам было обещано хорошее питание и возможность в скором будущем отбыть на Родину. Фашистские вербовщики не учли тот факт, что для многих пленных форма добровольцев была единственной возможностью вырваться из лагеря. Но не все бывшие военнопленные перешли на сторону партизан. Некоторые из них запятнали свои руки кровью мирных российских граждан.

Несмотря на то зло, которое принес советским людям сталинский террор, в период борьбы против нацизма перед лицом опаснейшего врага почти весь народ был настроен против немецких захватчиков и сплочен в единое целое. Ни при каких условиях не мог и не может вызвать сочувствия или симпатии тот, кто помогал противнику, вторгшемуся в нашу страну с целью ее завоевания. Наши люди были абсолютно убеждены в том, что любой человек, одетый в униформу вермахта, сотрудничающий с гитлеровцами, является личным врагом всякого русского, сообщником убийц и насильников. Поэтому репрессии против изменников Родины всегда воспринимались населением как справедливое наказание за совершенное преступление.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Особого внимания заслуживает судьба миллионов женщин и детей, оказавшихся тогда в экстремальных условиях войны и оккупации.

Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для родных и близких. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказалось там не по собственной воле (в особенности, в 1941 году), а в силу независящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью.

Немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, в значительной степени пострадавших от необоснованных репрессий в конце 30-х годов. Поэтому эстонцы, латыши, финны рассматривались как потенциально союзное население. Особое место занимали фольксдойчи – люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение.

Особое место во взаимоотношениях населения и солдат оккупационной армии занимает проблема сожительства русских женщин с немцами. В ней присутствует все: и случаи изнасилования, и стремление таким образом заработать на хлеб для себя и голодных детей, и даже настоящие романы в духе «Ромео и Джульетты». В 1941 году все эти факты (кроме, конечно, случаев изнасилования) рассматривались советской стороной как преступления со стороны женщин. Но в дальнейшем их к уголовной ответственности не привлекали. Речь могла идти только о морально-нравственной оценке их поведения.

У некоторых людей появилось чувство благодарности немцам и их союзникам, за «освобождение от проклятого ига жидо-большевизма». Оно нередко возникало под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Накануне Великой Отечественной войны органы пропаганды в фашистской Германии являлись одними из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживающим на оккупированных нацистами территориях.

Любой человек хочет жить. Любой человек хочет, чтобы жили его родные и близкие. Но существовать можно по-разному. Есть определенная свобода выбора: можно стать участником движения сопротивления, а кто-то предложит свои услуги иноземному захватчику.

В условиях оккупации западных районов нашей страны деятельность коллаборационистов, взявших в свои руки оружие или предложивших оккупантам свой интеллектуальный

потенциал, должна быть охарактеризована как измена Родине, как в уголовно-правовом, так и в нравственном смысле этого понятия.

Однако, осуждая тех лиц, кто реально сотрудничал с врагом, мы должны со всей ответственностью осознавать всю сложность положения миллионов наших сограждан, оказавшихся на захваченной территории. Их коллаборационизм во многом являлся вынужденным. Это был коллаборационизм выживания.

Память о войне в Украине

П.П. ТОЛОЧКО,
директор Института археологии
Национальной академии наук Украины

Дорогие коллеги, для меня проблема Великой Отечественной войны – это проблема, прежде всего, нравственная. Больно об этом говорить, но в Украине, особенно за последние пять лет, память о Великой Отечественной войне чудовищно деформирована. В учебниках для вузов и средней школы это трагическое и великое событие, в том числе в истории Украины, получило тотальную переоценку. Уравнены в ответственности жертва и ее палач. Герои-освободители, получившие благодарное признание всей освобожденной ими от фашистской чумы Европы унижены реабилитацией и героизацией националистов, которые сотрудничали с гитлеровскими головорезами. Пакт Молотова-Риббентропа оценен как преступный сговор двух агрессоров, а послевоенное мироустройство как порабощение Советским Союзом народов Восточной Европы и, конечно, оккупацией Украины. В Киеве по инициативе Виктора Ющенко создали даже музей «Советской оккупации Украины».

В дискуссиях с так называемыми национал-патриотами Украины, в том числе и профессиональными историками, приходится слышать, что пересмотр взглядов на Вторую мировую войну и ее итоги неизбежен и нормален, что к этому нас будто бы побуждают новые источники, документы, факты, которые были неизвестны предыдущим поколениям. Подкрепляются эти откровения ссылками и на европейскую историческую науку, где такая тенденция также имеет место. Возможно, и имеет. Но если это нормально для Европы, особенно той ее части, которая войну проиграла, то совсем не нормально для Украины, которая в результате этих итогов соединила практически все свои западные земли в едином государстве. Пересматривать можно и нужно тогда, когда за декларациями следуют реальные дела. В случае с Украиной, они должны заключаться в возврате

западноукраинских территорий тем странам, от которых были незаконно отторгнуты согласно преступному пакту Молотова-Риббентропа, и признать довоенные границы.

На одной из телепередач небезызвестного Савика Шустера, теперь умело сеющего семена раздора между Украиной и Россией на киевском телевидении молодой галицкий депутат Верховной Рады, спровоцированный ведущим, поносил сговор Сталина и Гитлера, позволивший Москве оккупировать Западную Украину. Но что характерно? Одновременно он возмущался тем, что западные соседи: Польша, Румыния – до сих пор считают эти земли своими и даже делают по этому поводу официальные заявления. Но чего же возмущаться? Если украинские националисты неустанно кричат о преступном сговоре двух агрессоров, а ввод советских войск на эти территории называют не иначе, как оккупацией, то сами же дают основания соседям для подобных претензий. Конечно, это ни что иное как безнравственное фарисейство: проклинать дарителя и одновременно пользоваться его дарами.

Совершенно по-новому освещается теперь и националистическое движение в Западной Украине в годы Второй мировой войны. Я только вкратце скажу об этом. В учебниках истории оно представлено так, как будто бы и оно одно, а не Советская армия и советские партизаны является истинным освободителем Украины. «Оранжевая» власть законодательно установила празднование доблестных вояк УПА, присвоила наиболее кровавым из них звание Героя Украины. А чуткие на социальную конъюнктуру историки оперативно переписали учебники, где это движение объявлено борцом за независимую Украину.

Конечно, было бы упрощением – относить эту безнравственную деформацию памяти о Великой Отечественной войне сорок первого – сорок пятого годов в Украине только к «оранжевому» пятилетию. Все началось значительно раньше и не только, к сожалению, в Украине, по существу, со времени так называемой перестройки, а затем и развала Советского Союза, когда это государство было предано анафеме на всем постсоветском пространстве, в том числе и в России. Началось все с обвинений Сталина и его окружения в просчетах перед войной, затем продолжилось поношениями полководческих способностей советских военачальников, будто бы воевавших не умением, а числом, а закончилось официальными извинениями за пакт Молотова и Риббентропа. Новая правда о войне стремительно вытесняла старую из пропаганды, литературы, кино и, разумеется, из учебников истории для средней школы и вуза.

Не только в девяностых годах в России имела место такая тенденция. Эта тенденция такой оценки Великой Отечественной войны, имеется в России и сейчас. Я могу сослаться на недавнюю статью Г.Попова, дискуссии Николая Сванидзе и Александра Цыпка, где Великая Отечественная война также подвергается переоценке, где Цыпка говорит, что: да, никакая она не великая, она кровавая, она такая и сякая. Вот, и поэтому, к сожалению, вот эта тенденция имеет место не только в Украине. Хотя в Украине она обрела, по существу, за годы «оранжевой» власти необратимую и никем не сдерживаемую инерцию.

Поразительно, но она набирала обороты независимо от того, кто возглавлял идеологическое ведомство: вчерашние партноменклатурные работники, новые социал-демократы, социалисты или же националисты. За это непродолжительное время этноидеологи успели сменить три поколения учебников истории, в которых Великая Отечественная война стала именоваться сначала Второй мировой, затем Советско-Германской, и наконец, войной Сталина с Гитлером. Конечно, утверждалась не просто новая терминология, утверждалось принципиальное иное отношение к той войне. Украина в ней все больше обретала роль жертвы двух агрессоров, не страны – победительницы, внесшей весомый вклад в сокрушение фашизма, не страны, явившейся одной из основательниц Организации Объединенных Наций, а исключительно жертвы. Единственным ее защитником объявлено националистическое движение. В учебниках истории ему отводится основной объем изложения, тогда как о советских партизанах говорится походя, скороговоркой. А о том, что с гитлеровцами в составе вооруженных сил Советского Союза сражались многие миллионы украинцев, практически вообще не говорится.

Поразительно, что из более, чем шести миллионов украинцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, сотен тысяч украинских советских партизан, героически сражавшихся с немецкими оккупантами, Ющенко не нашел никого достойного звания Героя Украины. Для него и его националистических сподвижников героями являются только те, кто боролся с Россией, на чьей совести сотни тысяч жертв мирного населения Украины: поляков, евреев, русских, украинцев и других. Конечно, вот за это пятилетие «оранжевые» дошли до абсурда. За ним или полный нравственный распад, или начало выздоровления. Мне хочется надеяться, что все-таки будет второе.

Добрым знамением этому явились, в частности, выборы Президента две тысячи десятого года. Однако ничто само собой не произойдет. Болезнь нуждается в врачевании. При этом следует отдавать себе отчет, что остановить националистический маховик, а затем и придать ему обратное движение будет крайне непросто. На ложной этнонациональной идее, сопровождавшейся тотальной перерисовкой отечественной истории выросло целое поколение, которое ныне входит в активную взрослую жизнь. Другой правды, чем той, которую им дали в школе и в вузе, они не знают и негде ее узнать, поскольку вся учебно-историческая литература скроена по единому идеологическому лекалу. Следовательно, нужно неотложно заняться изменением этого лекала, которое бы соответствовало исторической правде. Я не знаю, по силам ли это новой власти, и отдает ли она полный отчет себе, что в этом залог не только будущего Украины, но и собственного, но хотелось бы надеяться, что отдает. И основанием, моральным основанием, нравственным основанием для этого является вот та социология, которая нам была продемонстрирована в начале нашей встречи. Конечно, опираться надо на большинство народа, а не на его меньшинство. Спасибо за внимание.

Любовь к Родине выше классовой ненависти: позиция русской эмиграции в годы войны

Л.П. РЕШЕТНИКОВ,
директор Российского Института стратегических
исследований (РИСИ),
кандидат исторических наук

Уважаемые коллеги, я бы хотел начать с того, чем заканчивал наш профессор из Новгорода Борис Николаевич Ковалев. Причины коллаборационизма. Все-таки мы должны признать, что перед началом Второй мировой войны, Великой Отечественной войны в Советском Союзе было много недовольных советской властью, и не все они находились в концлагерях. Многие находились, жили, работали – но это были люди, которые по идейным причинам, по личным причинам, по разным причинам были недовольны и советской властью и тем режимом, который существовал. И в том величие победы нашего народа, что перед угрозой распада, завоевания родной страны подавляющее большинство людей объединились в борьбе против внешнего врага. Власть это понимала, поэтому война-то у нас была не за защиту социалистического отечества, как, помните, в гражданскую войну, а Великая Отечественная война. То есть, наше руководство призывало, понимая, что не все коммунисты, не все комсомольцы, есть просто враги советской власти, призывало всех: забудем обо всем, защитим нашу Родину.

И, конечно, я согласен с высказыванием известного российского историка Лаврова, который правильно на одной из конференций сказал, что все неглупые антисталинисты, антикоммунисты сражались против Гитлера в рядах Советской армии. И позиция русской эмиграции, российской точнее эмиграции, белой эмиграции в годы Великой Отечественной войны – это тот оселок, который показывает, как на самом деле могли отнестись к идее Отечественной войны, как по-

нимали это люди, которые были принципиальными врагами советской власти. Потому что большинство белой эмиграции, даже может, подавляющее большинство, та, что оставалась в Европе, на девяносто процентов, можно условно так сказать, это были люди – принципиальные враги советской власти. И когда началась Великая Отечественная война, когда Гитлер напал на Советский Союз, то большинство эмиграции заняло позицию невмешательства и внутренней лояльной поддержки Советского Союза.

Вот в одном из документов службы безопасности марionеточного правительства Сербии генерала Недича прямо отмечается, что настроения в пользу Советского Союза сильны даже у самых последовательных антикоммунистов. Это наблюдение службы безопасности. Я вам зачитаю отрывок из письма выдающегося русского философа Ильина. В письме нашему известному писателю Шмелеву в октябре тридцать восьмого года он писал: «Я покинул страну моего прежнего пребывания Германию совсем, больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов, там терпят только предателей и своих агентов». Вот позиция принципиального врага советской власти, принципиального противника. Вы знаете, он был идеологом РОВСа, много писал для РОВСа и до последних дней своей жизни оставался противником коммунизма и советской власти. Но как только дело пошло к войне, он бежит в Швейцарию.

В другом письме Шмелеву он пишет, что «меня нацисты преследовали за христианскую точку зрения, за отказ от участия в подготовке похода на Россию, за отказ от антисемитских выступлений и за решительный отказ поддержать идею независимости Украины и раскола Советского Союза». Это вот позиция одного из крупнейших деятелей русской эмиграции. Даже такой яростный борец с большевизмом, можем сказать, радикальных взглядов, такой имперец, как Иван Солоневич, увлекшийся одно время перед самой войной идеей, что Гитлер якобы сможет свергнуть коммунизм и дать возможность русским построить свое национальное государство. Даже он в июле сорок первого года, находясь в Берлине, стал говорить, что: нет, это ошибка, что Гитлер преследует совершенно другие цели. Кончилось тем, что он был арестован, просидел месяц в Гестапо и всю остальную войну в деревне в Померании под нацистским контролем в ссылке.

То есть, вот эту фразу Лаврова опять повторю: все неглупые, умные антисталинисты – все оказались в рядах противников

фашистской Германии. Но, конечно, часть эмиграции пошла на создание военных частей, подразделений под эгидой немцев. Чем это объясняется? Скорее всего, на мой взгляд, главная, конечно, причина – это поведение вождей. Такие лидеры, как Краснов, как Шкуро, Абрамов, Агоев – они все, что говорить, вы сами понимаете, что такое эмиграция, за годы эмиграции – это самый уязвимый такой объект для действия спецслужб всегда везде, во всей истории, старой, новой. Эмиграция – человек беззащитен. И, конечно, эти лидеры вошли в контакт и, пытаясь возглавить какие-то организации, пытаясь что-то организовать, они вошли в контакты со спецслужбами, Краснов очень давно с немецкими спецслужбами. И, конечно, их позиция оказывала влияние на рядовых членов белогвардейских эмигрантских организаций, особенно на часть казачества. Часть казачества не очень образованную, очень истосковавшуюся по Родине, ностальгия была огромная, сильная ностальгия по Дону, по Кубани, на эту часть казачества, на сепаратистские казачьи организации, которые выступали за независимость Кубани и Дона. Вот эти призывы отцов-командиров, в армии, настоящей армии (в царской армии отец-командир) – это была величина, которую слушали. Призывы отцов-командиров – это первое, конечно. Вот ненависть к большевизму, призывы отцов-командиров – они сыграли свою роль.

Наш институт провел такое исследование, попытался обобщить: сколько же мужчин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет оказались в рядах формирований, которые создавались под фашистской эгидой. Мы пришли к выводу, что это где-то около тридцати процентов всех мужчин, способных носить оружие, оказались в этих формированиях. Ну, прежде всего, русский охранный корпус, в Югославии который создавался, и казачьи формирования. Около тридцати процентов. Но есть и такие факты, например, часть эмигрантов, которые записались в Югославии в русский охранный корпус, записывались в связи с тем, что марионеточное правительство Недича уволило всех российских эмигрантов с государственной службы, и они остались без средств к существованию. Записывались в корпус, получали деньги, получали одежду и исчезали.

Я вам приведу такие цифры: что за три года до сентября сорок четвертого года корпус в боях с партизанами Тито потерял 282 человека убитыми, а раненых было 468, а уволенных по болезни и рапортам – 1870. То есть эпидемии там не было – это известно. То есть люди писали такие рапорта: в связи с болезнью матери, тяжелым состоянием прошу отпустить меня

на полгода или там, на два-три месяца, он увольнялся. Таким образом, 2 тысячи человек, вот убитых было, погибших 282, а 2 тысячи человек просто покинули корпус.

Вот, и надо сказать, когда наши войска вышли к границам Югославии, то этот поток уходящих из корпуса, которые не хотели воевать с советскими войсками, со своими бывшими соотечественниками, он усилился. Это за три года такое количество. За полгода из корпуса ушло 2 тысячи человек. И, если к 12 сентября, к выходу наших войск на границу с Югославией, в корпусе состояло 11 тысяч 200 человек, то к капитуляции осталось 4,5 тысячи, причем убитых было 734, раненых – 2,5. То есть где-то 3,5 тысячи человек просто ушли из корпуса, ушли и возвращались домой. В ту же Болгарию вернулись десятки, сотни даже людей: князь Мещерский, Павчинский, Чернорубашкин. Записались они в болгарскую армию и в составе Третьего Украинского фронта воевали полгода и дошли до Вены, уже в составе практически наших войск, в составе болгарской армии.

Поэтому вот те оставшиеся в живых и эмигрировавшие потом в Америку корпусники, их где-то 4 с небольшим тысячи человек, они создали такую легенду, что вся эмиграция была на стороне фашистов, то есть, воевала в этих формированиях, чтоб освободить страну от коммунизма. И наши историки, особенно молодые историки, этот миф подхватывают, этот миф раскручивают здесь, хотя речь идет о подавляющем меньшинстве российской эмиграции в Европе.

Надо сказать, что есть много документов, свидетельствующих о том, что в целом, немцы не доверяли эмигрантам, видели их симпатии к России, понимали, что эмиграция воспринимает Советский Союз как свою Родину и в душе или открыто болеет за ее победу. Я вам зачитаю письмо князя Александра Александровича Трубецкого председателю Общества потомков офицеров императорской гвардии во Франции. Оно как бы подводит итог тому, что я сказал. «Белые офицеры, в основном, не поддерживали генералов Краснова и Шкуро, даже если потом переживали за их горькую судьбу, как и за судьбу тех, кто выбрал неправильный путь, что часто происходило благодаря сильной немецкой пропаганде. Они заплатили за это дорогой ценой, достаточно вспомнить судьбу казаков в Лиенце, которых просто обманули, убедив, что они будут бороться за восстановление своих казачьих станиц, в основном на Кубани, а заставили воевать в Югославии против коммунистов. Но совсем иначе относились у нас к измене генерала Власова.

В нашей среде говорили именно об измене, так как иначе нельзя назвать поступок человека, которому поручена армия, чтобы защищать Родину, при каком бы режиме она не жила, а он перешел на сторону врага. Причем человек этот, вероятно, давал присягу Советской армии, как и наши отцы давали присягу Императорской, а затем Добровольческой армии. Именно в этом духе оценивался поступок генерала Власова в эмигрантской общине и в офицерских кружках в РОВСе. Расскажу о моем отце, офицере Императорской Гвардии и Добровольческой армии. В день вступления Германии на территорию России он вернулся с работы взволнованный, радостный и заявил: теперь я знаю, что Германия проиграет войну. Это подсказывал ему опыт офицера, воевавшего в Первую мировую, опыт русского солдата. Во время оккупации Франции отец работал на железной работе и имел контакты с немцами, он знал немецкий язык. Однажды немецкий офицер предложил ему вступить в армию для участия в возобновлении гражданской войны. Отец отклонил это предложение, ответив, что можно воевать за Родину, как в Первую мировую войну, на которую он пошел добровольцем, или воевать за убеждения, как в гражданскую. Но недопустимо воевать на стороне страны, которая напала на Родину. Надо отдать должное и справедливости немецкого офицера, который ответил, что на месте отца он, вероятно, ответил бы также. Надеюсь, что это свидетельство принесет пользу при обсуждении темы предательства и будет способствовать справедливой трактовке нашей истории».

Я думаю, вот все попытки сейчас оправдать Власова, вот сейчас вы зачитали Попова, ну, в принципе, такого маргинального типа историка, да, он не историк сам по себе. Вот энциклопедия для детей «История России и ее ближних соседей», том пятый, часть третья, третье издание, две тысячи первый год, двадцать тысяч экземпляров. Статья о Власове точно такого же объема, как о Жукове, и начинается фразой: «Точной такой же, как и Жуков, легендарной героической фигурой Второй мировой войны является генерал Власов».

Или же последнее, сейчас я понимаю, что задерживаю, вот молодого историка Кирилла Александрова в русскоязычной газете в Чехии: Кто освободил Прагу? Вот эта легенда, что «власовцы» освободили Прагу. Он-то на фактах показывает, что не так, но вывод все равно такой, что они освободили. Хотя дивизия Буняченко, она только полутора суток была в боевом столкновении с немцами, а утром восьмого мая, поняв, что американцы не дошли и не дойдут до Праги, просто бросила

этих пражан, которые подняли восстание, и ушла. Вот весь ее подвиг. И бои продолжались до шести вечера восьмого мая. И немцы капитулировали перед Чешским комитетом сопротивления. Но легенда ходит по всем изданиям, все повторяют одно и то же, как и легенда, сколько мы потеряли, боевые потери наши в Великой Отечественной войне. Ведь называются фантастические цифры, хотя четко во всех исследованиях уже прописана эта цифра, там плюс-минус сто тысяч, я извиняюсь это огромная, сто тысяч, но все равно, плюс-минус сто тысяч. Это восемь и четыре десятых миллиона человек, или восемь и шесть десятых миллиона человек – наши невозвратные боевые потери. Публицисты пишут: двадцать, тридцать, пятьдесят – кто больше. Поэтому, заканчивая свое выступление, хочу сказать нам историкам здесь собравшимся, нам политологам, экспертам: нельзя ни на минуту упускать вот такие публикации, такие попытки дезавуировать нашу историю.

Только что прекрасное было выступление наших и украинских социологов. Мы проиграем молодежь, потому что на эту не взрыхленную почву может лечь все: в том числе, и власовское освобождение Праги, и «Власов – герой», и так далее, и тому подобное. А нашим украинским друзьям желаю огромных успехов в борьбе за объективную историю. Как выпускник исторического факультета Харьковского университета, уверен, что украинские историки фронт будут держать твердо.

Украинские коллаборационисты и их «оранжевые» наследники

В.Н. ВОРОНИН,

первый заместитель председателя
Госкомрелигии Украины,
кандидат исторических наук

Уважаемые коллеги! С самого начала канувшего навсегда, к счастью, в лету майданного правления, было очевидно, что «оранжевый режим» проводил неприкрытый курс на фашизацию общества. И ставшие частью системной государственной работы восхваления националистических коллаборационистов всякого рода: нахтигаливцев, эсесовцев, бандеровских палачей, были хотя и наиболее скандальными проявлениями этой коричневой болезни, но лишь выполнением части общего плана по изменению цивилизационной ментальности народа Украины. Глубоко ошибочно рассматривать проводившуюся Оранжевыми путчистами попытку реабилитации, героизации коллаборационистов только как войну за прошлое, за собственное видение исторических событий периода Великой Отечественной войны. На самом деле героизация коллаборационистов нужна их идеологическим наследникам не сама по себе, это очевидно. Они рассматривали успех в этом как необходимое условие создания тоталитарного общества, построенного на идеях фюрерства, национальной и религиозной нетерпимости, унификации страны под стандарты националистической, а если быть точным, национал-фашистской диктатуры.

Оранжевый режим попытался полностью изменить всю морально-нравственную систему координатно-национального народа Украины, и с этой целью заменить в нем гордость за общую победу над фашизмом героизацией гитлеровских коллаборационистов. И очень показательна позиция лидеров нынешней националистической оппозиции по знаковым вопросам, определяющим, подобно лакмусовой бумажке, степень привер-

женности политика демократическим нормам. Так, глубоко символично, что экс-премьер госпожа Тимошенко стала ярким поклонником преступников против человечности из ОУН-УПА и не менее ярким противником культурно-языкового равноправия народов Украины и стратегического союза с Россией. Хотя, конечно, здесь есть еще и дополнительный аспект, заставляющий ее поддерживать данные основополагающие идеологемы интегрального национализма. Не только из тактических соображений привлечения националистического электората.

Героизация ОУН УПА и других коллаборационистов и преступников против человечества позволяет внедрить в общественное сознание апробированную ими практику тоталитарного вождизма в качестве основы государственного устройства и игнорирование демократии, что оправдывается защитой нации. Так, нынешние фактические призывы Тимошенко к свержению законной власти, избранной большинством избирателей страны, после подписания жизненно-необходимых для будущего развития Украины Харьковских соглашений, является ярким показателем того, что так называемая оппозиция считает методы Нахтигала, ОУН УПА, СС «Галичины» чрезвычайно актуальными. Хотя бы потому, что без их применения у националистов нет ни малейших шансов на возвращение утерянной власти.

В целом, ничего нового в происходящем нет, все сторонники тоталитаризма любой исторической эпохи стремятся сделать население безгласным и бездумным, культивируя с этой целью всеми возможностями государственной машины подавления, исторические культурные мифы. Конечно, некорректно сравнивать потерпевший полный крах изначально компрадорский, идеологически двуединый ющенковско-тимошенковский режим с самостоятельными и самодостаточными диктатурами. Последние сумели получить поддержку большинства населения, или, как минимум, наиболее активной его части, а не просто воспользоваться помощью иностранных спецслужб и предательством руководства собственных. Самостоятельные тоталитарные модели отнюдь не выглядели шутовски, но, тем не менее, развитие тоталитаризма проходит по единым для всех стран и времен законам.

Совершенно очевидно, что наследники человеконенавистнической тоталитарной идеологии наследовали не только национал-фашистскую идеологию, но воплощавших ее на практике палачей-коллаборационистов, которых они немедленно отнесли в национальный пантеон. О националистическом про-

свещении и роли в ней героизации коллаборационизма некогда прекрасно написал один из сегодняшних идеологов Тимошенко Дмитро Павлычко, все творчество которого ныне направлено на героизацию ОУН-УПА. И я с большим удовольствием процитирую его стихотворение в русском подстрочнике, которое было напечатано в газете «Советская Украина» в 1989 году. «Под Нью-Йорком военные лагеря, сине-желтые трепещут флаги, как убить – с кровью или без крови, ведут обучение там профессора. Все они – мастера удара в спину, вешатели, гангстеры, палачи, в борьбе за вильную Украину предлагают методы свои. Они ползают, как червяки, в глине, подвиги замалчивают свои печальные: этот детей убивал на Волыни, ну, а этот отметился в Сонгми. Дети диаспоры гнилой, послушайте мой призыв. Ваши учителя – это не герои, а обычные убийцы и мошенники. Выплюньте бандеровскую рвоту, смойте со своего тела яд, не служите ни гунну, ни готу, а сами себе служите».

Увы, можно констатировать, что наследники коллаборационистских преступников против человечности сумели взять реванш и диктовать свою волю стране целых 5 лет, доведя ее до состояния национальной катастрофы и превращения в глазах цивилизованного мира в заповедник национал-фашизма. При Оранжевой власти бандеровскую рвоту, о которой писал господин Павлычко, вдалбливали не в каких-то заокеанских бандера-югендах, а в государственных украинских школах, согласно утвержденной Минобразования официальной программе. И надо отдать должное любителям хорошего немецкого кофе и их потомкам в Украине, десятилетия ждавших возможности повернуть историю вспять: они дождались своего часа и попытались взять реванш за наше 9 мая. И этой настойчивости в достижении поставленной цели стоило бы поучиться всем антифашистским силам при проведении жизненно-необходимой для будущего Украины денацификации.

Нельзя не заметить, что национал-фашистскую преемственность от коллаборационистов времен Великой Отечественной нынешние националисты не думают скрывать. Например, 7 октября 2009 года на пленарном заседании Верховной Рады депутат Ярослав Кендзер, получивший известность после предложения лишить Дмитрия Табачника гражданства Украины за антифашистские выступления, под одобрение своих единомышленников из фракции БЮТ и «Нашей Украины», сделал красноречивое признание. «Неужели национальный демократ будет голосовать за закон про государственного служащего, где легализуется второй государственный язык? Неужели на-

циональный демократ будет голосовать за запрос коммуниста Калетника к президенту, в котором требуется ликвидировать указ президента про демонтаж памятников коммунистам? Требуется запретить деятельность неофашистских, то есть, национал-демократических партий».

Не стесняются и другие национал-демократы. То есть, согласно правильному замечанию господина Кендзера – не-офашистов, прямо заявлять о своей коллаборационистской преемственности и, таким образом, о чаемом ими будущем Украины. Симптоматично обращение Львовского облсовета в защиту палача Треблинки, Майданника и Собибора Ивана Демьянюка. Видно, среди его депутатов немало не забывших кре-до Бандеры о том, что «наша власть должна быть страшной», и мечтающих исправить недоработки Ющенко и Тимошенко, так и не сумевших додавить время своего правления Украины до националистического стандарта «Ein Volk, ein Reich, ein Fuhrer». И, кстати, как утверждают некоторые СМИ, в спец-школе СС под городом Травником сошлись боевые пути двух любителей хорошего немецкого кофе. И Демьянюк через одного из лидеров националистической диаспоры в США передал в 2005 году письмо новому президенту с теплыми воспоминаниями о боевом прошлом и восхищении Оранжевой революцией. Симптоматично, что в период процесса над изувером-коллаборационистом в Израиле, недавняя первая леди вместе с американской Антидиффамационной Лигой украинцев делала все возможное для отбеливания специалиста по сжиганию людей.

Конечно, неотъемлемое право депутатов Львовского облсовета заявлять, кого они видят в качестве национальных героев: солдат-освободителей или гитлеровских коллаборационистов. Тем очевидней, под какой идеологический стандарт они хотят подогнать народ Украины с помощью возрождения идеологии националистического коллаборационизма. Вполне логично, что тот же самый облсовет призывал к устранению от власти президента Виктора Януковича после заключения главой государства исторических Харьковских соглашений, и организовал в день ратификации доставку платных погромщиков под стены парламента. Хочу закончить следующим. Несмотря на всю свою вторичность и пародийность, бессилие без помощи зарубежных хозяев, национал-фашистские наследники коллаборационистов Второй мировой войны, тем не менее, являются серьезной угрозой для национального согласия в Украине, и положить конец попытке тоталитарного реванша является долгом всех помнящих о великой Победе мая 1945 года. Спасибо за внимание.

Униатский коллаборационизм на Украине в годы Второй мировой войны

В.И.ПЕТРУШКО,
эксперт Центра «Православная энциклопедия»

Среди новых мифов, появившихся в последние годы на Украине, это и миф об униатской церкви, как церкви-мученицы, и миф о ее главе, митрополите Андрее Шептицком, как о некоем украинском Моисее, духовном вожде украинского народа. В этой связи нелишним было бы напомнить о поведении иерархии униатской церкви во главе с Шептицким в годы Великой Отечественной войны.

Вступление немецко-фашистской армии на территорию Украины митрополит Шептицкий и другие униатские иерархи горячо приветствовали, и с первых же дней оккупации вступили в тесное сотрудничество с гитлеровским режимом. Точно так же Шептицкий и возглавляемая им греко-католическая церковь тесно сблизилась с организациями украинских националистов, которые тесно сотрудничали с фашистским режимом в надежде создать с их помощью независимое украинское государство.

Еще в 1930-е годы значительная часть духовенства греко-католической церкви в Галиции активно поддерживала украинские правые националистические движения и, прежде всего, Организацию украинских националистов – ОУН. Многие клирики прямо состояли в организациях националистического характера и играли в них весьма активную роль. С началом Великой Отечественной войны украинские подразделения Абвера приняли активное участие в действиях на восточном фронте. Украинский батальон «Нахтигаль» и так называемые легионеры, возглавляемые Бандерой, вместе с частями Вермахта в качестве вспомогательных подразделений вступили на территорию Советской Украины.

30 июня 1941 года советские войска покинули Львов, и в тот же день в город вошли батальон «Нахтигаль» и части бандеровских легионеров. Это произошло за несколько часов до появления во Львове первых германских соединений и дало лидерам ОУН определенную свободу действий, которой они не замедлили воспользоваться.

Уже утром 30 июня 1941 года было провозглашено создание краевого правительства во главе с бандеровцем Ярославом Стецько. После этого лидеры националистов направились в кафедральный храм украинской греко-католической церкви Собора святого Юра во Львове, где их принял митрополит Андрей Шептицкий, который благословил правительство Стецько и бандеровских боевиков. Вечером 30 июня во Львове было проведено так называемое народное собрание, в котором, однако, приняли участие всего около 100 человек, никем не избранных и не уполномоченных. На собрании был провозглашен акт о восстановлении украинской государственности. Третий пункт акта предельно ясно охарактеризовал откровенно коллаборационистский, а отнюдь не национально-освободительный характер бандеровского движения. В нем говорилось: «Восстановленная украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистической великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская национальная революционная армия, которая будет создаваться на украинской земле, в дальнейшем будет бороться совместно с союзной германской армией против московской оккупации за суверенную соборную Украинскую державу и новый порядок во всем мире».

В собрании приняли активное участие и греко-католические священники во главе с капелланом бандеровского легиона Иваном Гриньохом. Ранее этот священник являлся руководителем молодежного отделения ОУН. Гриньох демонстрировал настолько ярко свои убеждения, что для выступления на собрании облачился в серую военную форму боевиков ОУН, а не в священническую рясу. Митрополита Шептицкого, который был к этому времени полупарализованным и передвигался исключительно в инвалидной коляске, на собрании представлял его коадьютор и будущий преемник Иосиф Слипый. От лица главы униатской церкви Слипый выразил полную солидарность с организаторами акции и призвал к этому весь украинский народ. Участники собрания приветствовали всех, кого сочли причастными к созданию нового режима, то есть, главу ОУН

Степана Бандеру, творца и вождя великой Германии Адольфа Гитлера и митрополита Андрея Шептицкого.

Вспоминая речь Стецько на собрании, протопресвитер Гавриил Костельник, один из организаторов воссоединения украинских униатов с православной церковью впоследствии, писал, цитирую: «Из того, что объявлял и говорил этот неприглядный человек, запомнились две особенности – это непревзойденные похвалы немецкому фюреру и его непобедимому воинству и угрозы, страшные угрозы всем, кто проявляет непокорность правительству украинской державы, которая, как говорил Стецько, будет действовать в единстве с великой Германией фюрера. «Политику мы будем делать без сантиментов», – стремясь взять устрашающий тон, целиком серьезно возвестил неприглядный человек. «Мы уничтожим всех без исключения, кто встанет на нашем пути. Руководителями всех сфер жизни будут украинцы и только украинцы, а не враги-чужаки – москали, поляки, евреи».

Поддерживая действия бандеровцев, митрополит Шептицкий уже на следующий день после собрания, 1 июля 1941 года, обратился к народу с пасторским посланием, которое было опубликовано в официальных газетах. В послании говорилось, цитирую: «По воле всемогущего и всемилостивейшего Бога в троице единого началась новая эпоха в жизни державной, соборной, самостийной Украины. Народное собрание, которое состоялось вчера, утвердило и провозгласило это историческое событие. Уведомляю тебя, украинский народ, о том, что услышаны наши неустанные молитвы, призываю тебя к проявлению благодарности Всевышнему, верности его церкви и послушанию власти».

Уже в течение первой недели июля 1941 года каратели из «Нахтигалья» и бандеровские легионеры, которых, так сказать, окормляли униатские священники, Гриньох, Дурбак, Лободич, по подготовленному оуновцами списку провели во Львове массовые расправы над гражданским населением. В первую очередь, уничтожали представителей польской интеллигенции, советских властей, коммунистов, евреев. С 1 по 6 июля было расстреляно и повешено, по разным оценкам, от 3 до 5 тысяч человек, в том числе, свыше 70 академиков и профессоров Львовского университета и других видных деятелей науки, культуры польского и еврейского происхождения. Следует отметить, что Шептицкий лично спас все-таки жизнь нескольким евреям из семьи раввинов, пряча их в своей резиденции, однако личная позиция главы греко-католической церкви никак не отражалась на настроениях его паствы.

Впрочем, и у самого митрополита Андрея помощь удалось найти далеко не всем. Например, когда в дни июльских зверств жена арестованного профессора Львовского политеха академика Казимежа Бартеля, в прошлом, премьер-министра Польши, лично обратилась к митрополиту Андрею с просьбой помочь освободить супруга, глава униатской церкви категорически отказал. Бартель был казнен.

И именно в эти кровавые дни 5 июля 1941 года Шептицкий вновь обращается к народу и духовенству с очередным посланием, призванным побудить униатскую паству быть послушной новому режиму. Цитирую: «По воле всемогущего, всемилостивого Бога начинается новая эпоха в жизни нашей Родины. Победоносную германскую армию, которая заняла почти весь край, приветствуем с радостью и благодарностью за освобождение от врага. В эти важные исторические минуты призываю вас, отцы и братья, к благодарности Богу, верности его церкви, послушанию власти и усиленным трудам на благо Родины. Чтобы Всевышнего поблагодарить за все, что он дал, и спросить необходимых милостей на будущее, каждый пастырь душ совершит в ближайшее воскресенье по получении этого призыва благодарственное богослужение. И по песне «Тебе Бога хвалим», вознесет многолетие победоносной германской армии и украинскому народу».

Несмотря на творимые бандеровцами массовый террор и зверства, митрополит Андрей 6 июля 1941 года дал свое согласие возглавить в качестве президента так называемую Раду сеньоров, призванную играть роль парламента при правительстве Стецько. Первая же резолюция этой Рады содержала опять-таки восторженную похвалу непобедимой германской армии, фюреру и лидерам бандеровцев.

Стремление угодить оккупационным властям также подвигло униатского митрополита издать 10 июля послание к духовенству, в котором глава униатской церкви обязал своих священнослужителей иметь приготовленное знамя германской армии – красное полотнище, а на нем вышитую на белом фоне свастику, которую можно вывесить на своем доме. Шептицкий неоднократно лично обращался к Гитлеру с приветственными посланиями. В частности, он горячо приветствовал захват Киева гитлеровцами, наиболее подобострастно послание его фюреру по этому поводу.

В продолжение всего периода оккупации Шептицкий, Слипый и другие униатские иерархи регулярно служили молебны о даровании победы нацистам, призывали население

к послушанию оккупационным властям. Митрополит Андрей помог гитлеровцам вывезти украинскую молодежь на принудительные работы в Германию, опубликовав вполне сказочное обращение по этому поводу. В нем униатский первоиерарх писал: «Пребывание на чужбине в чем-то принесет вам пользу и выгоду. Научитесь чужому языку, узнаете мир и людей, наберетесь житейского опыта, получите много знаний, которые могут пригодиться вам в жизни».

Наиболее постыдная страница в истории униатской церкви периода Великой Отечественной войны – это ее активное участие в создании 14-ой гренадерской дивизии СС «Галичина», в составе которой воевали не только капелланы, униатские священники, но и были призваны многие семинаристы и учащиеся униатской богословской академии во Львове. Даже тогда, когда стало очевидным, что гитлеровский режим находится на грани краха, Шептицкий продолжал оказывать содействие оккупационным властям. В частности, сохранилось его личное послание от 1 января 1944 года клиру Преображенской церкви во Львове, которым Шептицкий предписывает снять и сдать на переплавку колокола церкви для нужд германской армии. Спасибо за внимание.

Бои за историю: о формах и методах противодействия фальсификации истории на Украине

В.В.КОЛЕСНИЧЕНКО,
депутат Верховной Рады Украины

Добрый день, коллеги в Москве, добрый день, уважаемые товарищи!

Я хочу поблагодарить организаторов за такую важную конференцию, и именно сегодня, именно в преддверии великой годовщины – 65 лет со дня окончания и победы в Великой Отечественной войне. Почему это очень важно? Потому что даже смена власти в Украине за последние полтора-два месяца, к сожалению, существенного перелома пока не дает, и этому есть подтверждение и факты, которые мы сегодня встречаем в нашей жизни, и даже та социология, которую мы слышали, она, увы, очень тревожна, потому что 50% украинцев, которые оправдывают предательство – это результат пятилетнего промывания мозгов, которое было сделано очень эффективно, очень методично и очень целенаправленно, и если наша сегодняшняя конференция останется просто конференцией, то, к сожалению, мы должны будем понимать, что через 5-10-15 лет число людей, которые оправдывают предательство, которые оправдывают коллаборационистов, ОУН-УПА и бандеровцев, и их зверства во время Великой Отечественной войны, будет увеличиваться в геометрической прогрессии.

Я, как представитель правозащитного движения «Русскоязычная Украина», впервые за пять лет однобокой пропаганды в Украине, организовал совместно с польской организацией выставку под названием «Волинская резня», где были показаны те ужасы, которые творили бандеровцы, очищая этнические территории от поляков, короче, польская резня – от 100 до 200 тысяч человек. Парадоксально то, что в драке во время орга-

низации этой выставки принимали участие те же депутаты, о которых сегодня говорили, и те же депутаты, которые сутки назад буйствовали в здании Верховного Совета. Четырнадцать человек было задержано, ни один не привлечен к ответственности, это при том, что зафиксированы видеофакты, зафиксированы свидетельские показания о том, что выставку пытались не только сорвать – уничтожить, уничтожить приборы, избивали пожилых людей, но в итоге возбудили уголовное дело по факту препятствования деятельности журналистов, которые пришли для того, чтобы сорвать выставку, с удостоверениями журналистов. Вот это, скажем так, толерантное отношение к подобным событиям, привело к тому, что во время известного заседания Верховного Совета Украины по вопросу ратификации договора по ЧФ, мы увидели те же самые звериные рыла, извините, по-другому не могу сказать, по сути, военные действия, и четко я понимаю – если бы этим людям дали оружие, они бы идеалы Бандеры и Шухевича реализовали в здании Верховного Совета со стопроцентной гарантией и уверенностью в правоте своей деятельности.

Я не уверен, какие будут дальше последствия, мы, конечно, будем принимать участие в том, чтобы были возбуждены уголовные дела, но это происходит сегодня здесь у нас, в Украине. И я должен сказать, что мы 6 числа открываем эту же выставку «Волинская резня» в Луганске, где должен быть открыт памятник жертвам ОУН-УПА, на середину мая эта же выставка будет находиться в Харькове, и мы хотим ее прокатить по всей Украине просто по одной причине – потому что пять лет была пропаганда только с одной стороны, мы сегодня даем вторую сторону той медали, которая нам постоянно предлагалась, при этом выставка имеет уникальный характер, по одной простой причине – в центре этой выставки мы даем памятник, мавзолей на польской стороне, где от имени польского народа воздвигнута мемориальная плита, на которой написано: «От благодарного польского народа украинцам, которые защищали поляков от оуновцев», то есть и поляки делят Украину на преступников-бандеровцев и на нормальных людей, и это не воспринималось, и это мы должны сегодня пропагандировать, развивать и показывать.

Почему это важно? Да потому что объединение нашего государства, объединение нашей страны, конечно, пытались сделать на основе неких мифов, перевирая историю и извращая ее, но если мы разобрались в причинах, то последствия – это то, что мы сегодня видим, это то, что активизировались у нас

в Украине неонацистские движения, скинхедовские движения, националистические движения, которые радикализуются изо дня в день, и, к сожалению, приходится констатировать, что, например, последний марш в Одессе, по имеющейся информации, финансировался руководством Одессы, это происходило при потакании одесских властей, и мы имеем информацию, что попытки устроить неонацистский скинхедовский центр в Крыму проваливаются, но они реализовались в Запорожье, и сегодня пытаются сделать то же самое на юге, в Одессе. Вот почему нам важна та правда, которая сегодня здесь обсуждается, вот почему нам необходимо общаться с людьми, и нам необходимо общаться и работать с молодежью, чтобы они знали эту правду, знали горькую правду, какой бы она ни была.

Да, были преступления, и чьи преступления, ведь нас тоже можно в чем угодно обвинять, однако та же власть, та же самая плохая советская власть, однако, она провела в 1950-е годы реабилитацию по оправданию тех, кто был незаконно осужден, либо комбатанты, которые ушли в лес с войсками ОУН-УПА под силой оружия – они тоже были освобождены от уголовной ответственности и стали членами общества, и даже за последние двадцать лет независимая Украина неоднократно рассматривала дела преступников ОУН-УПА, и они тоже сделали свой вывод в подавляющем большинстве случаев, о том, что реабилитации эти люди не подлежат, потому что они по горло в крови мирного населения, они уничтожали девушек, парней, которых направляли с центра, с юга страны только для одного – чтобы они поднимали сельское хозяйство, учили детей, обеспечивали управление этими территориями, это не военный конфликт, это уничтожение мирного населения, и никто этого не скрывал.

И когда нам представители от ОУН-УПА говорили во время открытия выставки «Волынская резня» о том, что «почему вы пишете, что здесь убивали поляков и евреев, ведь евреев в 1943 году уже не было?» Конечно, не было, с 1941 по 1943 год полицейские батальоны ОУН-УПА сделали все, чтобы очистить территорию от евреев, и русских, и ромов, это все происходило. И молчать об этом сегодня нельзя, вот почему очень важна не просто эта выставка, а то, чтобы эти материалы попали в школы, в высшие учебные заведения, чтобы они попали к народу, к людям. Очень важны сегодня инициативы Министерства образования Украины, которые подвергаются жесточайшей критике со стороны так называемых отдельных национально-свидомых областных советов нашего государства украинского.

Однако я уверен в том, что и Министерство образования, и коалиционное большинство в Верховном Совете сделает все необходимое, чтобы в ближайшее время привести в соответствие программы преподавания истории в школах, вопрос коллаборационизма должен быть, безусловно, освещен, должны быть даны и причины, и последствия, и при этом мы не должны вымарывать эти страницы истории, и если есть вина коммунистического или сталинского режима, она должна быть отражена в полном объеме, но это не является причиной для того, чтобы обелять тех, кто уничтожал мирное население и боролся против страны – члена антигитлеровской коалиции.

Вот здесь проблема двойных стандартов украинского государства, которое существовало пять лет, когда Европейский трибунал однозначно высказался по подразделениям СС и полицейским подразделениям, Организация Объединенных Наций однозначно высказалась четырежды в своих резолюциях, о том, что те подразделения, которые с оружием в руках выступали против стран антигитлеровской коалиции, являются пособниками фашизма, и здесь сторона Украины, проявляя постоянно свои евроинтеграционные устремления, отказывается выполнять резолюцию Организации Объединенных Наций, где она является учредителем, и я рад тому, что активно антифашистское движение в Украине, которое последние два-три года работало очень мощно, в условиях полуподпольных, откровенно говоря, и благодаря этим движениям добились того, что 25 февраля этого года Европарламент в своей резолюции в четвертом пункте указал о том, что вызвало недоумение у европейцев присвоение Бандере звания героя Украины. Мы сделали легкий анализ того, что происходит, и сравнили с теми цифрами, которые нам дала социология. Социология – такая вещь, которую, безусловно, обмануть нельзя, и я уверен, что активная деятельность наших ветеранских организаций и антифашистских комитетов, кстати, должен сказать, что международные антифашистские комитеты сегодня формируются в Берлине, в Минске, в Риге, то есть люди начали осознавать, что это очень опасная тенденция – освобождение от моральной ответственности участников коллаборационистского движения, это означает – освободить народ от совести, это означает – вернуться в 1930-е годы, когда известный фюрер говорил, что «вы должны быть освобождены от совести, я – ваша совесть, делайте все, что хотите, ради своей большой националистической идеи».

Подводя итоги своего выступления, могу сказать о двойных стандартах наших европейских коллег. Полтора года назад

мы внесли законопроект в парламент Украины о запрете реабилитации нацистских пособников и коллаборационистов, и привлечении к уголовной ответственности государственных чиновников, которые активно пропагандируют эти идеи. Четыре раза официально мы обратились в Венецианскую комиссию, которая по соглашению с Украиной, с целью проверки на соответствие наших нормативных актов европейским актам, дает нам свои рекомендации и заключения по тем законопроектам, которые мы представили. На удивление, даже ответа нет, при том, что три международных конференции – в Берлине, в которой принимали участие 500 делегатов из 25 стран, обратилось туда же, аналогичная конференция, которая была в Риге, обратилась опять же в Венецианскую комиссию с просьбой все же дать свои комментарии по поводу этого законопроекта, однако ответа нет. Вот почему мы должны понимать – на Бога надейся, а сам не плошай, мы должны европейцам доводить ту точку зрения, которая есть, и упрекать их в двойных стандартах по одной простой причине – гитлеровский фашизм начинался в Европе при попустительстве этих политиков. Чтобы этого не произошло сегодня, они должны задуматься о своих ошибках прошлого, и сегодня объединяться с нами в борьбе с предательством, коллаборационизмом и возрождением неонацизма. Спасибо.

Молдавский коллаборационизм в годы Второй мировой войны и сегодня

С.М.НАЗАРИЯ,
доктор политических наук,
исполнительный директор
Научно-культурного сообщества
«Друзья России в Молдове»
(Молдова)

При освещении данного вопроса возникает неизбежная потребность предварительного освещения двух других: о национальной идентичности молдаван и о характере войны 1941–1945 годов для молдавского народа. Без этого немолдавскому читателю будет трудно или даже невозможно разобраться в заявленной теме. А дело в том, что в годы войны масштабного коллаборационизма молдаван с фашистскими оккупантами не было практически вовсе, а то что было носило очень ограниченный характер. Парадокс состоит в том, что данное явление появилось значительно позже, с развалом соцлагеря и СССР, и носит характер идеологического оправдания румыно-фашистских захватчиков в современной румынской националистической историографии и в молдавской прорумынской исторической литературе, а также в школьных учебниках Республики Молдова.

Общеизвестно, что история как предмет преподавания в школах и ВУЗ-ах является не просто научно-мировоззренческой дисциплиной, как скажем физика, химия, биология и т.д., но играет и нравственно-политическую роль в деле воспитания будущих граждан того или иного государства.

Перед тем как непосредственно приступить к раскрытию в учебниках и «исторических трудах» Республики Молдова указанных вопросов, следует сделать некоторые пояснения для немолдавского читателя.

Дело в том, что в современной Молдове столкнулись два, в определенном смысле антагонистических, политико-идеологических течения в деле освещения исторического прошлого и, соответственно, воспитания подрастающего поколения. Это – сторонники сохранения и укрепления молдавского государства и те, которые выступают за присоединение Молдовы к Румынии или так называемые румынисты..

Первые считают Молдову равноправным и законным субъектом международных отношений, а молдаван как отдельный самостоятельный народ, появившийся еще до образования молдавского феодального государства в XIV-ом веке и который в новое время образовал современную молдавскую нацию. Эти люди выступают за изучение молдавской истории как самостоятельной научной дисциплины и преподавания истории Молдавии в учебных заведениях Республики Молдова. Концептуально они стоят на позициях интернационализма и молдавского патриотизма, разделяют современные европейские демократические ценности, выступают за сотрудничество между народами и толерантность к представителям любой нации и религии. Соседние народы рассматриваются как дружественные, а национальные меньшинства проживающие внутри страны – как составную часть многонационального народа Молдовы, как людей, которые совместно с молдаванами веками строили Молдову и являются ее исконными и законными гражданами.

Сторонники румынизма (румынисты) не признают молдавский народ (считая его частью «румынского рода»), законность молдавского государства, интерпретируя его как историческое недоразумение, как продукт сталинизма и выступают за присоединение «румынской земли» Бессарабии к «родине-матери Великой Румынии». Все соседние народы рассматриваются концепцией румынизма как «враждебные румынскому роду», а национальные меньшинства – как «пятая колонна». Россия и СССР представлены исключительно в отрицательном свете, а в некоторых случаях – демонизируются. Истинной родиной является Румыния, все румынское представлено исключительно положительным и прогрессивным, а любая политика когда-либо проводившаяся румынскими элитами являлась честной и справедливой. В этом смысле, румынисты являются сторонниками изучения так называемой «истории румын» в молдавской средней и высшей школе.

В своей патологической ненависти к России особо отличается учебник по новой истории для 11 класса, авторами которого

являются член-корреспондент АНМ, профессор Демир Драгнев и к.и.н., в 2005-2009 гг. депутат парламента РМ Ион Варта. С первых страниц этого учебника развернута усиленная пропаганда ненависти к России и всему русскому. Авторы пытаются убедить школьников, что движение России на юго-восток Европы всегда имело исключительно экспансионистский и агрессивный характер и вся политика России всегда была направлена против «румынского рода». Авторы непременно стремятся внушить ученикам русофобские настроения.

На этом фоне, вышеуказанные авторы приводят «примеры привилегированного положения» национальных меньшинств массово колонизировавших Бессарабию. Господа Варта и Драгнев называют «всех этих поляков, греков, армян и евреев настоящими подонками, которые загрязняют Кишинев». Особую их неприязнь вызывают евреи, «массово мигрировавшие из других стран в города». «Среди арендаторов значительную часть составляли евреи ... , контролировавшие крупные лати-фундии». Именно на них указано ученикам как на «эксплуататоров румынского крестьянства». Евреи, «жаждущие быстрого обогащения, жестоко обращались с крестьянами, навязывая им невыносимые условия».

Мы привели эти примеры из учебника по новой истории лишь для того, чтобы немолдавский читатель мог понять в каком духе происходит «воспитание» детей в молдавской школе и с какими настроениями наши школьники приступают к изучению новейшей истории и, в частности, истории второй мировой войны.

На последнем этапе существования СССР, и в особенности после его развала, в Молдавии развернулась дискуссия о том, чем все же являлась война 1941–1945 годов для молдавского народа: Великой Отечественной как и для остальных советских людей, он просто против своей воли был втянут во вторую мировую войну или как составная часть «румынского рода» боролся против «советского оккупанта».

Как известно, 22 июня 1941 г. диктаторский режим Иона Антонеску втянул мирный румынский народ в преступную войну Гитлера против СССР. В этом контексте, самым весомым аргументом в пользу тезиса о добровольном стремлении режима «кондуктора» к участию в войне на стороне Гитлера является его знаменитый приказ «Trecei Prutul!» («Переходите Прут!»). В заключительном слове на суде Ион Антонеску провозгласил свое т.н. «Политическое завещание». В нем говорится: «Я начал войну с Советским Союзом. Этого потребовала от меня

честь румынского народа [сколько раз спрашивал Антонеску этот народ?] и задачи момента». К тому же хорошо известно, что Антонеску «до последнего» был предан Гитлеру и держался за него. Неоднократно заверял «кондуктор» фюрера в своей преданности и выражал ему свое восхищение, утверждал, что «пойдет до конца в начатом на Востоке деле», добавляя при этом: «не выдвигаю никаких условий перед нашим военным сотрудничеством на этой новой территории», «поставлю румынские силы на службу нашей общей цели», «рад способствовать румынскими войсками достижению победы восточнее Днестра и делу спасения цивилизации, справедливости и свободы народов».

В этом контексте, нацистское вторжение в СССР квалифицируется некоторыми авторами как действие «румынской и немецкой армий по предотвращению большевистского нападения на Румынию и Германию». Заявляется, что «германо-советская война положила конец... антинародной политике преступного государства по отношению к мирному населению похищенной провинции». «Вступление Румынии в войну Германии против СССР привело к освобождению Бессарабии, севера Буковины, цинута Херца от советского оккупанта и его дьявольского государственного устройства». Более того, «местное население, как и значительная часть этнических групп, тепло и с уверенностью приветствовали возвращение румынской администрации, зная ее как компетентную, неподкупную, которая проводила политику, опирающуюся на правду и справедливость». Все здесь хорошо, однако последнее заявление совсем уж уму непостижимо – где это Петренко нашел такую румынскую администрацию: «компетентную, неподкупную» и «которая проводила политику, опирающуюся на правду и справедливость»? Во все времена она была самой непрофессиональной и продажной в Европе. «Ври, ври, да не завирайся!» – говорит пословица.

И другой известный историк пишет: «Румыния вступила в эту законную оборонительную войну для возвращения своих территорий, попавших под русское господство. Румыния вступила в эту войну для освобождения своих попавших в рабство братьев. Начатая 22 июня 1941 г. война имела законный национально-оборонительный характер, это была навязанная румынскому роду война. Румынский народ боролся за свое физическое выживание и защищал свою национальную независимость. Он боролся за то, чтобы его страна, очаг не были стерты с карты независимых государств». Это была «справедливая война за освобождение исторических территорий и против коммунистической опасности с Востока». Более того,

данный историк договорился до того, что назвал «Восточную Кампанию» «Священной Войной».

Правда, «ученые» Buzatu & Petrenco совсем не оригинальны. Еще в ноябре 1941 г. профессор Теодор Попеску следующим образом охарактеризовал совместную борьбу румынских и германских фашистов: «Считаем для себя священной привилегией и сильнейшим стимулятором быть на стороне правды и победы. Участие нашего рода в борьбе с коммунизмом является величайшим воинским подвигом, символом румынской веры и гигантским вкладом в великую книгу всемирной истории». О «вкладе» румынских фашистов в «книгу всемирной истории» мы не мало писали в своих предыдущих публикациях.

Данные «научные» тезисы успешно перекочевали и на страницы молдавских учебников по «истории румын». Так, например, на 48-й стр. учебника для IX-го класса, автором которого является Г. Паладе, читаем: «Оккупация Бессарабии и севера Буковины Советским Союзом породила тяжелейшие последствия для коренного населения края». А в преамбуле к теме «Румыния, Бессарабия и Транснистрия в годы второй мировой войны» подчеркивается, что «политический режим И. Антонеску имел военный, авторитарный характер, но являлся умеренным и толерантным в отношении оппозиции». Ниже отмечается, что «главной целью вступления Румынии в войну было освобождение оккупированных летом 1940 г. Советским Союзом территорий». А на 53–54 стр. уже говорится об «освобождении» Бессарабии и Буковины. На 54–55 стр. дети узнают об «участии румынских армий (естественно „освободительниц” – С.Н.) в походе восточнее Днепра».

О развязанных «освободителями» на «освобожденных» территориях терроре и геноциде – ни слова. Однако осуждаются на страницах учебника разрушения, причиненные инфраструктуре Бессарабии отступающей Красной Армией. При этом политика румынских властей оценивается исключительно положительно, и, хотя, между прочим, признается уничтожение около 100 тыс. евреев, этот факт ни как не осуждается. Более того, в хвалебных тонах оценивается проводимая оккупантами в 1941–1944 гг. политика румынизации, «поддержка специалистов румынского этнического происхождения», «внедрение национальных культурных ценностей». По всей видимости, истребляя сотни тысяч граждан других национальностей, Антонеску «внедрял национальные культурные ценности».

И наоборот, советское наступление оценивается как «новое завоевание Бессарабии». Подробно описываются причинен-

ные в его ходе разрушения, будто бы изгнание Гитлера было возможно иным образом. Косвенно осуждаются за это именно те, которые воевали с фашизмом. Отмечается, что «Советская армия начала наступление с целью разгрома германских войск, дислоцированных в Молдове и Буковине», при этом понятие «Молдова» относится исключительно к территории западнее Прута и ни как не к Республике Молдова.

Уже на 3-й стр. другого учебника для IX-го класса²⁵ детям внушается тезис о том, что СССР «являлся отсталым в экономическом, социальном и культурном плане тоталитарным государством». Естественно, что этим предпринята осознанная попытка введения учащихся в заблуждение с целью исказить их сознание. Уже в следующем абзаце автор винит Россию (и ее народ) в том, что она «сыграла отрицательную роль в судьбах стран и народов, попавших в ее сферу влияния, затормозив их развитие».

На 5-й стр. г-н Визер оправдывает экспансионистскую внешнюю политику румынского фашистского государства необходимостью решения «одной из острейших проблем румын – интеграция рода в единое государство», – тезис из «*Mein Kampf*». А на 7-й стр. ученики узнают, что «относительная бедность румын... порождена бесчисленными разрушительными вторжениями враждебных империй... В XIX–XX вв. наиболее разрушительной силой была Российская, а затем Советская империи, которые преследовали цель истребить румынскую нацию». Если не считать, что подобные «выводы» имеют откровенно нацистский характер, г-ну профессору не следовало бы «забывать», что в течение трех веков сотни тысяч российских и советских солдат жертвовали своими жизнями во имя освобождения балканских народов, включая румынский.

На этой же странице ученики узнают, что «большое количество чуждых этносов... возросло в результате иностранных вторжений, целью которых на протяжении веков был захват румынских земель. Данные этносы... оказались на румынских землях в качестве агентов господствующих имперских держав». На 10-й стр. г-н Визер пишет, что в городах проживали «инородцы», представители «другой культуры, других традиций, других интересов, нередко враждебные автохтонному населению... Именно это предопределяло подрывной характер оппозиционного и сепаратистского движения в городах Румынии». Вот кто оказывается является врагом румын!! И подобное тиражируется на многих страницах учебника – 11, 12, 30.

«Генерал Антонеску, – по мнению автора, – является выдающейся личностью», а гитлеровское вторжение в СССР он

оправдывает, бездоказательно повторяя гитлеровско-геббельсовский миф о подготовке Советского Союза к нападению на Германию. Здесь же уважаемый профессор утверждает, что «румынские и германские части освободили Бессарабию, север Буковины и район Герца». Гитлер и Антонеску представлены как освободители и на 71-й стр. можно прочесть о том, что вели они войну против советских народов с целью освобождения их из рабства. На 69-й стр. узнаем, что в годы войны население «Бессарабии и Транснистрии» уменьшилось из-за политики советского режима. О массовом терроре оккупантов против мирного населения и геноциде полумиллиона евреев «освободителем» Антонеску – ни намек. При этом, однако, достается Англии и США, которые, оказывается, после войны «предали» Румынию, предоставив ее в полное распоряжение СССР.

В одном из следующих учебников, на этот раз для XII-го класса сообщается, что «захват Бессарабии СССР в июне 1940 года имел драматические последствия для автохтонного населения». При этом автор ни словом не осуждает политику И. Антонеску. Оправдывается и агрессия против Советского Союза и наступление румынских войск в глубь советской территории. Геноцид евреев назван «антигуманным актом, выразившимся в депортации и насилии над евреями и цыганами в Транснистрии». И все... Более всего г-н Енчу озабочен проблемами денационализации, руссификации и колонизации...

В другом учебнике для XII-го класса отмечается, что имевшееся у Румынии напряжение с соседями (СССР, Венгрией, Болгарией) было вызвано исключительно их политикой. По всей видимости, считая, что об этом ученики не проинформированы, автор сообщает им, что «приднестровские и буджакские степи были колонизированы русскими, украинцами, немцами, болгарями, которым было предоставлено по 40-50 га земли на семью». А на 72-й стр. они узнают, что «депортации из МАССР преследовали целью изменить этническую структуру населения посредством колонизации края русскими и русофонами».

В этом же контексте, автор приходит к выводу, что «установление советской администрации в Бессарабии и на севере Буковины вызвало нескончаемую цепь страданий румынского населения... В то время как молдаван отправляли в Россию..., десятки тысяч русских и украинцев прибывали в Бессарабию, занимая ключевые посты в партии, государстве и в руководстве предприятиями». Г-н Шишкану поясняет, что «московские власти стремились посредством жестких мер, направленных против мажоритарного румынского населения, ликвидировать национальный дух».

Косвенной реабилитацией агрессии Германии и Румынии является и декларация об «освобождении Бессарабии и Буковины». Он также внушает лицеистам мысль о том, что «в ходе отступления советские оккупанты осуществили массовые разрушения материальных ценностей», подробно их перечисляя. На 84-85 страницах автор объясняет каким «счастьем» для «Бессарабии и Транснистрии» обернулось румынское правление в годы войны. Одновременно он пытается убедить читателя в искреннем стремлении Антонеску выйти из войны еще в 1941 году и вводя их одновременно в заблуждение другим абсолютно лживым утверждением о том, что «на Московской и Тегеранской конференциях было принято решение о сферах влияния США, Великобритании и Советского Союза».

В действительности тезис о войне «за освобождение исторических территорий» опровергают даже официальные документы румынского правительства. Так, на заседании Совета министров от 8 июля 1941 г. заместитель премьера и «профессор международного права» Михай Антонеску сказал буквально следующее: «Столько времени, сколько продолжают военные действия, румынское государство не издало декрета об аннексии этих территорий, мы лишь занимаемся их обустройством. Мы находимся в состоянии военной оккупации, а не оккупации как способа захвата территории. Таким образом, здесь осуществляется суверенитет оккупанта, а не суверенного государства. До того момента, когда мы сделаем формальную декларацию об аннексии, а это нельзя сделать до завершения военных действий или хотя бы до того, когда станет ясно их близкое окончание, до того, с точки зрения чистого права, мы находимся в состоянии военной оккупации, и установленный здесь режим может руководствоваться лишь законами военного времени». Другими словами, даже высшее руководство фашистской Румынии понимало, что территория Бессарабии является, с точки зрения международного права, оккупированной территорией.

По-видимому, по мнению г-на Бузату, Антонеску втянул страну в войну на уничтожение на стороне Гитлера для того, чтобы защитить независимость Румынии? Вероятно, в Крыму, на Кавказе и под Сталинградом преследовалась цель защиты независимости Румынии и «возвращения румынских территорий, попавших под русское господство»... А уничтожив сотни тысяч евреев и других мирных и безоружных граждан, румынские нацисты вели «войну, имевшую законный национально-оборонительный характер»? Впрочем, и на этот вопрос у г-на

Бузату имеется ответ: «Антонеску продолжил наступление вглубь Советской России рядом с немцами для спасения веры, порядка и цивилизации». И массовое истребление женщин, детей, стариков стало называться «спасением веры, порядка и цивилизации»... Фактически, под лозунгом борьбы с коммунизмом указанными авторами предпринята попытка оправдать нацистский геноцид, развязанный Гитлером и с энтузиазмом поддержанный Антонеску.

При анализе подобного рода «учебно-методической литературы» не следует проходить мимо «научных трудов» уже упомянутого выше «ведущего» молдавского историка румыно-националистической ориентации Петренко А.М. Он является автором не только работ «монографического характера», рекомендованных студентам и лицеистам, а также учебников по всеобщей истории новейшего времени.

В «исторических трудах» указанного автора присутствует молчаливое одобрение лозунгов типа: «Да здравствуют наши союзники и великий вождь Германии Адольф Гитлер!», «Да здравствует румынская и немецкая армии!», «Да здравствует король Михай и канцлер Гитлер!», «Долой жидов и коммунистов!». В этих работах предпринята попытка обелить политику румынской администрации в оккупированных провинциях в 1941–1944 гг. и, в первую очередь, по отношению к нашим согражданам еврейской национальности (хотя тут же оговоримся, что насилию и убийствам были подвергнуты далеко не только евреи).

Партизаны, боровшиеся с фашизмом (и защищавшие «жидов») квалифицируются не иначе как террористы, национальные меньшинства названы «пятой колонной», утверждается, что „режим Антонеску являлся современной (читай: цивилизованной – С.Н.) диктатурой, толерантной по отношению к демократической оппозиции».

Более того, наш «самый проевропейский профессор» дошел до откровенного оправдания Холокоста, в ходе которого румынскими фашистскими властями было истреблено более полумиллиона евреев. «Речь шла о, – утверждает А. Петренко, [приводя следующие «неотразимые доводы»: – С.Н.] – а) румынофобском поведении и других антирумынских фактах многих иудео-коммунистических группировок во время советской оккупации Бессарабии; б) действиях многих из них во время большевистского господства в Бессарабии (июнь 1940 – июль 1941 гг.), когда они полностью ангажировались в дело советизации этой румынской провинции; с) поведении многих

из них во время военных действий в июне – июле 1941 года, т.е. откровенном вооруженном сопротивлении, оказанном военным силам Держав Оси». Как видим, Петренко механически воспроизводит всю нацистскую «систему аргументов» по оправданию массового уничтожения мирного населения. Будто бы женщины, дети и старики оказывали «откровенное вооруженное сопротивление военным силам Держав Оси»...

Власовцев – этих русских нацистов и предателей – наш «объективный и нетенденциозный историк» (именно так именует себя сам г-н Петренко, правда при этом ни разу не упоминает, что много лет возглавляемая им «Ассоциация историков Республики Молдова» ежегодно получала от румынского правительства десятки тысяч долларов, а сам «непримиримый борец с коррупцией» выступает за ликвидацию независимого молдавского государства и его присоединение к Румынии. Только в 2006 г. сумма этих субсидий на «объективные и нетенденциозные» исследования почти достигла 94 тыс. \$) называет в одной из своих работ (содержащей более 70 фактологических ошибок и множество концептуальных несуразностей, однако признаной «книгой 1995 года» в Румынии) не иначе как «освободительной армией», игнорируя тот факт, что они совершили тягчайшие преступления не только против своего народа, но и участвовали в карательных экспедициях против польского, чешского, французского и других народов. Более того, на советско-германском фронте эти изверги не воевали, т.к. гитлеровцы не доверяли им, а были использованы на Западном фронте в борьбе с англо-американцами. По всей видимости, этим «защищали европейскую демократию»? В странах Западной Европы после войны подобные Власову «герои» были осуждены и приговорены к различным срокам заключения, а многие к высшей мере через повешение, как, например, Квислинг в Норвегии или Лаваль во Франции.

Однако вернемся к первоначально поставленному вопросу и попытаемся ответить, чем же являлась для молдаван война 1941–1945 годов и в чем проявился молдавский коллаборационизм в годы фашистской оккупации. В этом смысле факты говорят сами за себя. Около 400 тыс. уроженцев Молдовы воевали в рядах Красной Армии и менее 30 тысяч – в румынской против СССР. В период 1941–1944 гг. румынские власти не призывали бессарабцев в армию, так как не доверяли им, считая их «русскими и большевиками».

И наоборот, подавляющее большинство молдаван (не говоря уже о представителях других народов проживающих совместно

с ними) никогда не считали себя румынами и не воспринимали Румынию как свою страну и свою Родину. Они видели себя советскими гражданами, а Молдову в составе СССР. Призыв в советские Вооруженные силы воспринимался большинством из них как долг перед Родиной. Поэтому мобилизация в Красную Армию, осуществленная как в 1944 г., так и в 1944-ом, были восприняты населением как естественный акт по защите собственной страны от чужеземных захватчиков, как неизбежная жертва во имя Родины. И не случайно десятки тысяч уроженцев нашей республики отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, за свободу и независимость своей Родины.

В Молдове в 1944–1945 гг. практически не было случаев уклонения от службы в Советской Армии или дезертирства из ее рядов, чего нельзя сказать об отношении молдаван к службе в румынской армии в 1940 году, когда после 28 июня бегство бессарабцев из нее стало повальным и практически абсолютным. То же повторилось и в 1944 г. Другими словами, молдаване всегда рассматривали Советскую Армию как «родную» и СССР – как свою Родину, а румынскую армию и саму Румынию – в качестве чужеродного тела.

При этом нельзя отрицать того факта, что незначительная часть молдавского населения в той или иной форме все же сотрудничала с оккупантами. Однако, как уже отмечалось, румыны не доверяли молдаванам, поэтому в армию их призывали лишь в крайне незначительном количестве, а в карательные органы (полицию, жандармерию) и того меньше. Также и румынская администрация Бессарабии в своем высшем и среднем звене состояла исключительно из выходцев из собственно Румынии и лишь на ее низшую ступень допускались уроженцы Бессарабии.

Отсутствие массового коллаборационизма с оккупантами определялась и тем фактом, что против православного населения румыны не развернули массового тотального террора. А это не толкало часть населения к сотрудничеству с оккупационными властями с целью выживания.

Но при этом в первые 1,5-2 месяца оккупации, хотя и крайне незначительная, но все же часть молдавского населения – не более 15-20 человек на село (это при том, что молдавские села насчитывают по несколько тысяч жителей) принимало активное участие в антиеврейских погромах и массовом истреблении еврейского населения нашей республики⁴⁸. Одновременно следует отметить, что подавляющее большинство православного населения края (молдаване, украинцы, русские, Болга-

ры, гагаузы и др.) не только не поддерживало эти зверства и сочувствовало евреям, но тысячи людей оказывали им помощь и содействие, с риском для жизни спасая их от неминуемой гибели.

В заключение следует отметить, что война 1941–1945 годов для молдавского народа являлась Великой Отечественной и он, наряду с другими народами Советского Союза являлся, является и всегда останется среди победителей во второй мировой войне, как бы кому не хотелось видеть его «среди побежденных».

Естественно, что все эти попытки «ревизии истории» отражают стремление некоторых кругов перерисовать карту Европы. На глобальном уровне – это означает попытку ослабить Россию и осуществить, на этот раз, «окончательный» геополитический передел мира «в свою пользу». А на региональном – это выражает тенденцию к ликвидации молдавского государства и его присоединения к «Великой Румынии».

Таким образом, попытки «исторического» обеления румынского фашизма представляют собой ни что иное как реализацию велико-румынского геополитического проекта по ликвидации Молдовы.

Политико-правовой процесс: зачистка коллаборационистов и восстановление демократии в Норвегии после Второй мировой войны

Ник БРЭНДАЛ,
доктор исторических наук, научный сотрудник
Отдела археологии, истории и сохранения
культурного наследия Университета
Осло (Норвегия)

Я хочу начать свое выступление с того, чтобы сказать несколько слов о названии моего доклада. Конечно, юридический процесс по своему определению не должен рассматриваться как политический. Но, тем не менее, весной 1946 года Сфере Лодберг, бывший заключенный Дахау и достаточно весомый член парламента от Лейбористской партии, описывал эти процессы. Он объяснял это тем, что политическое будущее нашей страны зависит от результатов этих наших чисток. И в конечном итоге, очень важно, чтобы мы, как целая нация, не проиграли.

С юридической точки зрения послевоенные чистки и юридические процессы были связаны с восстановлением правопорядка. Немецкую оккупацию можно рассматривать, как нарушение международного права, и нацистскую Германию можно было рассматривать как врага с юридической точки зрения. И, соответственно, марионеточный режим Квислингов, который был установлен со стороны нацистской Германии и поддерживался их военным присутствием, можно рассматривать, как противозаконный, и, следовательно, как объект для юридического преследования. И то же самое касается широко распространенных коллаборационистских действий

и выступлений, которые были вызваны навязанным режимом оккупации.

Таким образом, норвежская консолидация демократии и национального правительства, были длительным процессом, который следовал за изменением режима в начале 60-х годов. Это был длительный, продолжительный и сложный процесс, который, соответственно, был направлен на то, чтобы лейбористское правительство впервые после войны было заменено консервативным правительством. В результате, подчеркнутое внимание к продолжению юридических и легальных традиций значительно превзошло те события в Норвегии, которые происходили во время Второй мировой войны. И, в конечном итоге, много внимания было уделено политическим процессам так называемой третьей волны, волны демократизации, которая началась в Северной Европе в семидесятые годы, и, собственно, которая продолжается до сих пор.

Что касается послевоенных событий в политической жизни Норвегии, значительная часть из них происходила за закрытыми дверями еще во время войны. И эти обсуждения велись представителями еще довоенной элиты, и норвежская общественность узнала об этом только после того, как много крупных решений уже были приняты. И, соответственно, ни парламент, ни электорат не имели возможности выразить свое отношение к реставрации национального демократического управления. Очень важным элементом этих соглашений было то, что и полиция, и армия, и церковь получили определенные преференции. Таким образом, была исключена возможность для других кругов элиты выразить свое несогласие или проявить какое-то возмущение.

Надо сказать, что члены сопротивления, те, кто участвовал в сопротивлении во время военных действий, в значительной степени получили освобождение от каких-то юридических преследований. С другой стороны, члены Норвежской Националистической Партии были наказаны юридически и приговорены к различным наказаниям. Согласно тому, что говорили Терек Карло и Филипп Шмиттер, переход этих кругов элиты на другие условия был, собственно, весьма затруднен.

Я должен сказать, что норвежское правосудие в переходный период заключило определенное соглашение, на основе которого принималось решение – против кого именно должны или не должны были вестись какие-то юридические действия. На основании таких соглашений, в которых при этом участвовали представители движения сопротивления, как главной

движущей силы, и лейбористская партия, как единственная остающаяся политическая организация, было достигнуто прочное основание для достижения консенсуса по поводу различных задач, которые необходимо было решить в послевоенный период.

В переходный период, в рамках подготовки к либерализации именно движение сопротивления и правительство в изгнании работали в тесном сотрудничестве. Процесс переговоров привел к тому, что было достигнуто значительное понимание единства между довоенной элитой, в первую очередь, среди тех, кто относился в послевоенный период к лейбористской партии и финансовой элите, буржуазии. И таким образом, политические, экономические и социальные круги элиты были тесно связаны друг с другом, и использовали это единство при обсуждении различных решений.

Во время войны основные соглашения, которые касались военных преступников и коллаборационистов, нашли отражение в нескольких документах. Это – временное законодательство, которое обсуждалось между движением сопротивления в Норвегии и правительством в изгнании в Лондоне. Прежде всего, это – так называемая «Голубая книга» – политическая программа, которая была опубликована Лейбористским союзом и Ассоциацией норвежских моряков в Лондоне и Стокгольме. А также – так называемая «Grini program», которая была написана заключенными концентрационного лагеря Грини в окрестностях Осло.

При этом необходимо отметить, что во временных законодательных актах отражались различные действия, направленные на то, чтобы коллаборационисты понесли наказание. Это заключалось в том, чтобы лишить их избирательного права, лишить их права собственности или лишить их каких-то других прав. При этом так называемая «Голубая книга» стала основой политической программы Лейбористского Союза, и она включала в себя элементы «Grini program» и других политических документов, которые создали впоследствии основу для политического развития в послевоенный период. При этом «Голубая книга» стала основой для сотрудничества и результатом объединенных усилий между эмигрантскими организациями правительства в изгнании в Лондоне и в Стокгольме. И кроме этого, можно отметить участие нелегального партийного руководства, находящегося в Норвегии.

Надо отметить, что в «программе Грини» были широко отражены точки зрения заключенных, которые находились в

концлагерях, и соответственно, это повлияло на окончательную характеристику документа. Работа над этой объединенной программой строилась на сотрудничестве различных политических сил, и в конечном итоге это повлияло на результаты выборов, состоявшихся в первый послевоенный 1945 год.

Конечно, все различные постановления и пакты, хотя они и отличались во многих отношениях, имели вместе с тем весьма важные сходные черты. В основном, можно отметить, что во всех этих соглашениях наблюдалась разница в различных нюансах, но в целом, можно сказать, что, хотя они и имели разные политические основы, тем не менее, они имели много общего.

Таким образом, «Голубая книга», объединенная программа и «программа Грини», а также временные законы, которые были приняты правительством в изгнании, в конечном итоге отражали норвежские юридические традиции, и обеспечивали в дальнейшем связь между широкой коалицией, и в конечном итоге — платформу для юридического очищения в дальнейшем.

Временные законы связывали воедино и дисциплинировали движение сопротивления. «Голубая книга», «Grini programm» и объединенная программа обеспечивали связь различных кругов политической и финансовой элиты, а также коммунистической партии, которая действовала в подполье, и они позволяли создать в конечном итоге единую платформу.

Теперь, если говорить непосредственно о юридических преследованиях военных преступников и коллаборационистов, главной задачей было то, чтобы наказать тех, кто совершил те или иные преступления, кто совершил предательства, и тех, кто совершил какие-либо действия, направленные против их страны и своих сограждан, и таким образом подчеркнуть, что это было совершено именно в период военных действий. Еще одной не менее важной задачей этих действий было восстановление справедливости и юридического порядка в стране, существовавшего до войны, в рамках довоенной политической системы, и обеспечение эффективности действия этого юридического порядка.

Спустя десять лет после предыдущих выборов, которые имели место в 1936 году, и спустя пять лет после начала военной оккупации, юридическая чистка была необходима для того, чтобы обеспечить национальному правительству правомочность действия и обеспечить его нормальное функционирование. Тем не менее, с точки зрения охвата такой юридической

чистки и юридических преследований, это было не определено в первые моменты, и охват юридических преследований должен был быть определен на основании общественного мнения и изменения политического климата в стране в послевоенный период.

Хотя аналогичные явления юридических преследований коллаборационистов и военных преступников имели место во всех странах, освобожденных от немецкой оккупации, чистки в Норвегии имели определенную особенность, и можно сказать, что они были более жесткими, чем в некоторых других странах. Для сравнения можно сказать, что в десятилетие, предшествующее войне, всего 30 человек каждый год приговаривались к тюремному заключению более чем на три года, в то время как в послевоенный период, в 1945-1946 годах, более 5 тысяч человек получили такие приговоры. Если сравнивать ситуацию, например, с Бельгией или Францией, где примерно три человека в Бельгии и два человека во Франции на каждые 100 тысяч населения приговаривались к высшей мере наказания, в Норвегии же этот показатель был один человек на сто тысяч населения. Тем не менее, если мы рассмотрим общее количество приговоров и судебных решений, то оно превосходило количество решений по аналогичным вопросам в Бельгии вдвое, и в пять раз превосходило количество судебных решений во Франции.

В целом, количество судебных решений, направленных против коллаборационистов и военных преступников, в Норвегии составляло 1656 случаев на 100 тысяч населения, и, наверное, только в Голландии эта цифра близка, где количество судебных решений составляло 1250 на каждые 100 тысяч населения. В заключении я хочу сказать, что в Норвегии юридическое преследование преступников, юридические чистки в этот переходный период были жесткими, они были тесно привязаны к своей главной цели. Целью являлось обеспечение необходимой власти и юридической обоснованности для наказания всех военных преступников.

В первоначальный период эти процессы против военных преступников и коллаборационистов были ретроспективными, но они стали занимать все больше места и играть важную роль в дальнейшем, когда началась холодная война, и, соответственно, она стала влиять на внутреннюю политику Норвегии.

Жесткое преследование врагов демократии рассматривалось, как необходимый элемент восстановления норвежской национальной демократии. Что касается необходимости ста-

бильности и контроля, эта переходная юриспруденция и юридические процессы в Норвегии проводились без необходимости какой-либо публичной поддержки – не было необходимости в каких-то публичных выступлениях и протестах. Можно сказать, что этот процесс во многих отношениях можно рассматривать, как идеальный тип переходного периода.

Если говорить о юридических процессах переходного периода, то, конечно, нельзя сказать, что они были демократическими. Они являлись результатом переговоров между различными кругами элиты и широкой общественности, но, тем не менее, они позволили обеспечить выполнение важной функции: они позволили провести в 1945 году выборы в парламент, которые были в свою очередь, несомненно, высокоэффективными.

И необходимо отметить, что когда в 1964 году специальная комиссия, назначенная парламентом, провела расследование и дала оценку юридического преследования военных преступников, по результатам этой оценки практически не было каких-то ярких проявлений несогласия. Возможно, охват этого периода времени, о котором я говорил, очень большой, и, возможно, сейчас неправильно было бы подвергать сомнению основные моменты политических и юридических преследований, когда прошло уже семь лет после того, как последний из заключенных военных преступников был выпущен из тюрьмы на свободу. Но, тем не менее, важно отметить, что крупнейший юридический и политический процесс в норвежской истории был оценен единодушно, как строго соответствующий протоколу. Спасибо.

Идеология латышского радикального национализма как причина коллаборационизма в период нацистской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. и пересмотра итогов Второй мировой войны после 1991 года

**В.И. ГУЩИН,
директор Балтийского Центра исторических
и социально-политических исследований,
кандидат исторических наук**

Добрый день, уважаемые участники конференции. Разрешите мне в начале своего выступления искренне поблагодарить организаторов за приглашение и за возможность выступить перед столь авторитетной научной аудиторией.

Ни для кого не секрет, что сегодняшние страны Балтии являются застрельщиками процесса пересмотра итогов Второй мировой войны, и в рамках этого процесса активно проводят курс на политическую реабилитацию коллаборационизма, на политическую реабилитацию тех сил, которые в годы войны активно прислуживали нацистам, активно участвовали в карательных акциях против мирного населения. В сегодняшней Латвии тема латышского коллаборационизма в период нацистской оккупации особым вниманием не пользуется. И это понятно, потому что если претендовать на объективность, нужно признать, что часть населения страны активно участвовала в уничтожении другой части населения страны.

Вторая причина, по которой эта тема сегодня недостаточно востребована, заключается в том, что у власти сегодня находятся те политические силы, которые представляют, собственно, интересы латышского нацистского коллаборационизма периода Второй мировой войны. Здесь надо говорить и об экс-президенте Латвийской республики Вайре Вике-Фрейберге, которая является выходцем из семьи нацистского коллаборациониста, здесь надо говорить и о Янисе Кажоциньше, руководителе Бюро по защите Сатверсме, это внутренняя контрразведка Латвии. Янис Кажоциньш откровенно заявлял прессе, что он рад тому обстоятельству, что его детство прошло среди латышских легионеров. Именно в среде латышской западной эмиграции после окончания Второй мировой войны и стали прославлять нацистских коллаборационистов, их сделали героями-добровольцами, которые сражались за Латвию. И в результате, как отмечает американский профессор истории латышского происхождения Андриевс Эзергайлс, все было поставлено с ног на голову.

Таким образом, курс на политическую реабилитацию латышского добровольческого региона СС, курс на политическую реабилитацию нацистского латышского коллаборационизма в Латвию был привнесен после 1988 года радикальной частью западной латышской эмиграции, а после 1988 года в Латвию вернулось около 30 тысяч представителей западной латышской эмиграции, многие из которых, а также потомки тех людей, в свое время были связаны с кровавыми преступлениями на территории Латвии.

Если говорить об истоках латышского нацистского коллаборационизма, то необходимо признать, что радикальный национализм в Латвии сформировался еще в 20-30-е годы в период первой парламентской Латвийской республики. В это время очень активно действовали крайне правые националистические организации, например «Перконкрустс». Основная идея, которой руководствовались эти крайне правые политические силы в политической жизни Латвийской республики, сводилась к следующему лозунгу – «Латвия – латышам!» Всем остальным же представителям народов и национальностей на территории Латвии места нет.

12 апреля 1933 года «Перконкрустс» была запрещена решением Карлиса Улманиса, то есть это было сделано еще до авторитарного переворота 15 мая 1934 года. Но идеология «Перконкрустс» была положена в основу деятельности авторитарного и этнократического политического режима

Карлиса Улманиса, который существовал с 1934 года по 1940 год. Именно в этот период в правящей среде, в правящей элите Латвийской республики широкое распространение получила нацистская идеология. Свободное хождение в Латвии имела книга «Майн Кампф», немецкая община пользовалась значительными политическими льготами на территории Латвии, и это предопределило то, что значительная часть населения, в первую очередь, так называемая организация айзсаргов впитала в себя неонацистскую идеологию, и после перемен 1940 года составила весьма активное антисоветское, антикоммунистическое подполье на территории Латвии. По некоторым оценкам, численность этого антисоветского, антикоммунистического подполья в 1940-41 годах составляло около 40 тысяч человек. Это примерно реальные цифры, если принять во внимание, что численность организации айзсаргов составляла около 30 тысяч человек.

14–15 июня 1941 года в Латвии была проведена депортация, и в рамках вот этой акции по насильственному переселению части населения с территории Латвии в восточные районы Советского Союза было выселено в общей сложности 15524 человека. Всегда делается акцент на то, что эта акция не может быть оценена, как демократическая акция, это противозаконная акция, но почему-то никогда не обращается внимания на то, что среди этих 15524 депортированных человек около 5 тысяч, по оценкам СД, принадлежали к пронацистскому антикоммунистическому подполью, и эти пять тысяч человек с началом немецкой оккупации были готовы принять самое активное вооруженное участие в боях с Красной Армией после начала войны.

В годы нацистской оккупации активно эксплуатировался тезис о том, что советский коммунистический террор стал основной причиной латышского коллаборационизма, и в 1942 году вышла книга «Baigais gads» («Страшный год»). Эта книга в основном посвящена времени коммунистического правления, Советской Латвии с июня 1940 года по июнь 1941 года, и основная задача этой книги сводилась к тому, чтобы представить советское время в Латвии, как более страшное, как более кровавое, по сравнению с временем нацистской оккупации 1941 – 1944 годов.

На мой взгляд, говорить о том, что коммунистические репрессии, депортация 14 и 15 июня 1941 года явились главной причиной массового латышского нацистского коллаборационизма, неправомерно. Безусловно, эти процессы сыграли

определенную роль в том, что часть латышей стала активно участвовать в деятельности латышского самоуправления, вступала в полицейские батальоны, а впоследствии и в латышский добровольческий легион СС. Но все-таки это была, если можно так выразиться, второстепенная причина. Первостепенная причина заключалась в родстве идеологии этнократического режима Карлиса Улманиса и нацистской Германии. Именно это родство и предопределило тот факт, что значительная часть населения страны стала активно участвовать в карательных акциях на стороне нацистской Германии.

В общей сложности, в период нацистской оккупации, в различных подразделениях Вермахта, латышского добровольческого легиона СС, участвовало 146 тысяч жителей Латвии, и примерно около 100 тысяч жителей Латвии служили в различных формированиях Красной Армии.

Таким образом, вот этот процесс, этот раскол населения страны на противников и сторонников нацистской идеологии, на сторонников и противников советской власти, многие историки оценивают, как продолжение гражданской войны на территории Латвии, которая началась еще в 1918 – 1919 годах.

Как я уже сказал, после 1991 года Латвия выступила застрельщиком процесса пересмотра итогов Второй мировой войны и оправдания латышских нацистских коллаборационистов. И не последнюю роль в этом процессе сыграла Вайра Вике-Фрейберга и ее команда. В 1998 году была создана комиссия историков при Президенте Латвийской республики, которая провела очень большую работу по пропаганде тезиса об оккупации Латвии в 1940 году и косвенном оправдании латышских нацистских коллаборационистов. С 1998 года в Латвии ежегодно проходят шествия бывших солдат латышского добровольческого легиона Ваффен-СС по центру города, и надо сказать, что, несмотря на то, что с 2000-го года 16 марта больше не является праздничным днем, с каждым годом в этих шествиях участвуют все больше и больше людей, и самое главное, все больше молодежи. Безусловно, это не может не тревожить.

В заключении своего выступления я хотел бы сказать о том, что Латвия, к сожалению, становится все более коричневой. Нацистская, неонацистская идеология, оправдание неонацистской идеологии, к сожалению, за эти двадцать лет, вошли не только в школьные учебники истории, но и в сознание значительной части населения страны. По данным социологических опросов 63% населения страны не видит ничего предосудитель-

ного в этих шествиях бывших солдат легиона «Ваффен-СС» 16 марта, не видит ничего предосудительного в том, что в этих шествиях участвует все больше и больше молодежи.

На мой взгляд, вот в этих условиях украинский сценарий в Латвии невозможен, невозможен по двум причинам: во-первых, в Латвии с 1991 года ни разу не проводились всеобщие выборы, и это обстоятельство предопределило то, что у власти, на протяжении всех этих 20-ти лет находятся все те же правые силы, которые проводят все тот же курс на политическую реабилитацию нацизма; вторая причина – безусловно, за эти 20 лет идеологическая обработка населения дала свои плоды. И что делать в этой ситуации? Как противостоять дальнейшему процессу возрождения нацизма в Латвии?

Мне представляется, что есть два пути, которые на сегодняшний день абсолютно не задействованы, кроме вот проведения таких научных академических конференций и представления трудов этих конференций широкой общественности. Первое предложение: необходимо вернуться к оценкам доклада комиссии Александра Николаевича Яковлева, декабрь 1989 года, II Съезд народных депутатов СССР. Как вы помните, в этом докладе были сделаны весьма эмоциональные оценки пакта Молотова-Риббентропа, а в Латвии, в Литве и в Эстонии эти эмоциональные оценки были однозначно восприняты, как признание того факта, что тогдашний Советский Союз признает факт оккупации Латвии, Литвы и Эстонии. Мне представляется, что необходимо вернуться к этому докладу и отказаться от тех эмоциональных оценок, которые в нем содержатся.

И второе предложение. Я уже говорил о том, что в Латвии с 1991 года ни разу не проводились всеобщие выборы, треть населения лишена политических прав с 1992 года, треть населения по сегодняшней политической терминологии являются гражданскими колонистами, гражданскими оккупантами, и на них политическое равноправие не распространяется. 8 ноября 2002 года Парламентская Ассамблея Совета Европы оценила вот эту ситуацию, как существование долговременного дефицита демократии в стране. Мне кажется, что Российская Федерация, Государственная Дума Российской Федерации, Правительство Российской Федерации должны всячески поддерживать вывод ПАСЕ от 8 ноября 2002 года и содействовать проведению в Латвии и Эстонии первых после 1991 года всеобщих выборов. Возможно, что это позволит со временем остановить тот процесс возрождения нацизма в Латвии, который сегодня мы наблюдаем в этой стране. Спасибо за внимание.

Русский коллаборационизм 1941–1945 гг. как рецидив Гражданской войны

С.И. ДРОБЯЗКО

В годы Второй мировой войны часть наших сограждан и соотечественников оказалась вовлечена на путь сотрудничества с врагом, приняв то или иное участие в борьбе против СССР на стороне гитлеровской Германии и ее союзников. Причины и формы этого сотрудничества были разными, так как советский коллаборационизм представлял собой весьма сложное и неоднородное явление. Однако не подлежит сомнению, что его истоки восходят к событиям 20-летней давности – революции и Гражданской войне в России 1917–1922 гг.

Именно эти и последовавшие за ними политические и социальные потрясения создали, на наш взгляд, условия, когда, если не большая, то во всяком случае значительная часть населения, не выражая открытого недовольства существующим политическим режимом и продолжая следовать его установкам, внутренне не испытывала по отношению к нему чувства лояльности и была потенциально готова встать под чужие знамена.

Следует сказать, что в большинстве случаев выбор в пользу сотрудничества с врагом определяли не какие-либо политические симпатии и чаяния и не столько недовольство режимом, сколько стратегия выживания в экстремальных условиях плена и оккупации. Однако даже такой вынужденный или пассивный коллаборационизм свидетельствует об отсутствии или снижении у людей определенного психологического барьера: путь к сотрудничеству с внешним врагом в 1941–1945 гг. был немногим сложнее, чем переход на сторону «классового» противника во время Гражданской войны. Истоки этой атмосферы «готовности к предательству», немислимой

для предшествующей эпохи, также, на наш взгляд, кроются в недавних революционных потрясениях, сопровождавшихся разрушением не только политических и социальных структур, но и традиционных моральных ценностей и устоев.

Сравнительно небольшая, но активная группа русских коллаборационистов рассматривала начавшуюся в июне 1941 года войну, между Германией и СССР как прямое продолжение Гражданской войны белых против красных. И речь здесь никак не может идти об оправдании предательства из корыстных побуждений или малодушия, поскольку для многих бывших офицеров и солдат белых армий, находившихся в эмиграции, или уцелевших в СССР участников антибольшевистских формирований Гражданская война не закончилась в 1920–22 годов, как не закончилась она и в глазах советского режима в отношении названных групп лиц. Это подтверждает, в частности, фразеология советских документов периода Великой Отечественной войны, где эмигрантские и казачьи формирования, действовавшие на стороне Вермахта, часто именуются «белогвардейскими», а создававшиеся на оккупированной территории органы коллаборационистской администрации – «контрреволюционными».

С самого начала своей вынужденной эмиграции вожди Белых армий готовились к продолжению борьбы с большевиками. Не располагая силами и средствами, чтобы возобновить эту борьбу самостоятельно, они надеялись на помощь иностранных держав, которые также были бы заинтересованы в уничтожении большевистского режима. После прихода к власти нацистов взоры наиболее непримиримых белоэмигрантских группировок обращаются на Германию, как на единственную реальную силу, способную нанести большевизму смертельный удар. Тогда же в Русском зарубежье по отношению к назревавшему столкновению между СССР и Германией происходит раскол на «оборонцев» и «пораженцев». Если первые, не отождествляя страну с правящим в ней режимом, считали необходимым в случае внешней агрессии защищать Советский Союз, то вторые рассматривали такую агрессию как единственную возможность взять реванш за поражение в Гражданской войне.

Однако и среди «пораженцев» не было единства относительно как тактики, так и стратегии борьбы. Принимая союз с гитлеровской Германией в качестве единственного средства достижения своих целей, «пораженцы» существенно расходились в вопросах близости отношений с немцами и будущего России. Так, члены Национально-трудового союза российских

солидаристов (НТС), исходя из того, что Гитлер является врагом не только СССР, но и национальной России, преследовали цель создания «третьей силы» между Германией и сталинским режимом путем осуществления агитационно-пропагандистской деятельности на территориях, занятых германскими войсками. В случае победы этого начинания, считали они, Россия сохранила бы свою целостность и суверенитет.

Военные организации (такие как Русский общевоинский союз и Русский национальный союз участников войны), готовившиеся принять участие в войне против СССР с оружием в руках, верили в освободительную миссию германского рейха и в то же время не ставили под сомнение целостность и неделимость России. Представители различных национальных движений, к которым относили себя и казаки-самостийники, выступали за создание собственной государственной автономии под патронажем Германии, нисколько не заботясь о будущем России как государства и допуская ее расчленение и полное или частичное лишение государственной независимости.

Начиная уже с весны 1941 г., когда столкновение между Германией и Советским Союзом уже выглядело как дело ближайшего будущего, эмигрантские организации начали забрасывать германские ведомства своими предложениями о сотрудничестве, однако немцы не спешили идти с ними на контакт, рассчитывая на то, что война будет выиграна в течение нескольких недель, и осознавая, что реализация завоевательных планов на Востоке неизбежно вызовет конфликт с русскими союзниками. 30 июня 1941 г. на совещании представителей Министерства иностранных дел, Вермахта, СС и Национал-социалистической партии, на котором обсуждался вопрос о рассмотрении заявлений иностранных добровольцев, желающих принять участие в борьбе против Советского Союза, было принято решение не принимать заявлений от чехов и русских эмигрантов.

Тем не менее, в ходе начавшейся войны германские власти прибегали к использованию русских эмигрантов индивидуальным порядком – в качестве переводчиков, специалистов военно-строительных и транспортных организаций, инструкторов для работы с военнопленными красноармейцами, из числа которых формировались охранные и антипартизанские части. Набором на Восточный фронт ведали Управления делами русской эмиграции в Германии и во Франции. Только во Франции было зарегистрировано более 1,5 тыс. русских офицеров, изъявивших желание участвовать в борьбе с большевизмом. Из этого числа на фронт было отправлено сначала около 200 человек.

Однако с июня 1942 г. по требованию Гитлера отправка офицеров-эмигрантов на Восток прекратилась, а в соответствии с директивой ОКВ от 18 августа того же года участие эмигрантов в формировании антипартизанских частей из военнопленных было строго запрещено, и белые офицеры, за редким исключением, были отозваны с фронта.

В свете такой политики создание из эмигрантов отдельных воинских частей казалось невыполнимым, и германские оккупационные власти в Сербии отклонили предложение генерал-майора М.Ф. Скородумова о формировании дивизии из бывших чинов армии Врангеля и отправке ее на Восточный фронт. Однако активизация партизанского движения на Балканах вскоре заставила немцев принять предложение о создании из эмигрантов своего рода сил самообороны. 12 сентября 1941 г. Скородумову было поручено формирование «Отдельного Русского корпуса», и в тот же день он объявил мобилизацию всех военнообязанных эмигрантов в возрасте 18 до 55 лет. Вскоре из-за нежелательной для немцев политической активности Скородумов был отстранен от руководства формированием и заменен генерал-лейтенантом Б.А. Штейфоном.

Главной задачей сформированного к концу октября того же года Русского охранного корпуса (на протяжении своей истории это соединение несколько раз меняло свое название) была определена охрана промышленных объектов и коммуникаций на территории Сербии, в административном отношении он был подчинен германскому главному уполномоченному по торговле и промышленности, а в оперативном отношении отдельные его части подчинялись командующим соединениями германских и болгарских оккупационных войск, в районах ответственности которых они несли службу.

Основной контингент составляли бывшие офицеры, солдаты и казаки армии Врангеля, проживавшие в Югославии и Болгарии, незначительное пополнение прибыло из других стран – Германии, Польши, Франции, Греции и Италии. Выросшая в эмиграции русская молодежь составляла не более 10 процентов. В начале 1943 г. было решено провести омоложение личного состава корпуса и зачислить в его ряды в качестве эксперимента до 300 советских военнопленных. С сентября того же года начался набор добровольцев на территориях, аннексированных в 1941 г. Румынией (Буковины, Бессарабии и района Одессы), откуда было получено 5-тысячное пополнение. К сентябрю 1944 г. общая численность Русского охранного корпуса достигла максимального уровня и составляла 11,2 тыс. чел.

Согласно приказу германского командования от 30 ноября 1942 г. Русский охранный корпус официально вошел в состав Вермахта. Части и подразделения были переформированы в соответствии со штатами германской армии, весь личный состав получил обмундирование Вермахта с германскими государственными эмблемами и знаками различия. Тем не менее, по своему статусу корпус сильно отличался от восточных частей германской армии, сформированных из военнопленных и перебежчиков. В то время как последние имели, как правило, параллельное командование (немецкие командиры подразделений имели в своем подчинении русских командиров), в корпусе все командные должности занимали русские офицеры, а германский кадровый персонал был представлен двумя офицерами связи при штабе корпуса, каждого полка и батальона и двумя унтер-офицерами – инструкторами при каждой роте. Внутренний распорядок и обучение изначально были основаны на уставах Российской императорской армии, однако в связи с появлением новых видов оружия и изменениями в тактике вскоре пришлось перейти на уставы Красной Армии, а с включением корпуса в Вермахт были введены немецкие уставы. Для подготовки командиров батальонов и рот были созданы курсы командного состава, а также военно-училищные курсы.

В течение первых трех лет своего существования подразделения Русского охранного корпуса несли гарнизонную службу по городам, охраняли шахты, промышленные предприятия и линии железных дорог. При этом они были вынуждены действовать в сложной политической обстановке, определявшейся фактическим состоянием гражданской войны, фронт которой не всегда пролегал между прогерманскими и антигерманскими силами. Борьба велась между группировками партизан – коммунистами-титовцами и монархистами-четниками, а также различными национальными группами – сербами, хорватами и мусульманами. Иногда частям корпуса приходилось действовать против коммунистических партизан совместно с четниками, а также защищать сербское население от репрессий хорватских фашистов – усташей. В сентябре – октябре 1944 г. отдельные подразделения корпуса принимали участие в боях против советских войск.

К моменту окончания военных действий в Европе Русский корпус насчитывал 4,5 тыс. чел.

В начале мая 1945 г. части корпуса под командованием полковника А.И. Рогожина прорвались из Хорватии в Австрию, где капитулировали перед британскими войсками. В отличие

от большинства антисоветских формирований, личный состав Русского корпуса избежал выдачи в СССР. В лагере Келлерберг его чины были переведены на беженское положение, и в 1949 г. большая их часть перебралась в Аргентину и США. Всего за время войны через Русский корпус прошло свыше 17 тыс. чел., из которых 1132 погибли в боях. Из указанного общего числа чинов корпуса до 12 тыс. составляли эмигранты, а остальные были советскими гражданами.

Представители казачьей эмиграции с первых же дней войны также активно выступали с предложениями своего участия в борьбе против большевизма, но германское руководство оставляло эти предложения без внимания. Между тем, когда уже осенью 1941 г. перед войсками Вермахта на Востоке встала потребность привлечения дополнительных сил для борьбы с партизанами, о репутации казаков, как непримиримых борцов с большевизмом вспомнили и начали создавать казачьи части из советских военнопленных, являвшихся казаками по происхождению или считавших себя таковыми. При этом многие военнопленные называли себя казаками, надеясь вырваться из нечеловеческих условий лагерей и избежать тем самым голодной смерти, поэтому первые казачьи формирования Вермахта можно считать казачьими лишь условно. Так, например, во 2-й полевой армии все формирования, создававшиеся из представителей русской и украинской национальностей, вначале официально именовались казачьими, однако уже к осени 1942 г. большинство этих частей были переименованы в восточные.

После вступления германских войск на территорию казачьих областей Дона, Кубани и Терека, здесь по инициативе антисоветски настроенных местных жителей началось формирование настоящих казачьих частей для борьбы против Красной Армии и партизан. Сформированные казачьи полки и сотни, официально не входившие в состав Вермахта, принимали активное участие в зимних боях против наступающих советских войск. Часть их была уничтожена, в то время как остальные вместе с десятками тысяч гражданских беженцев из казачьих областей ушли вместе с немцами на Украину, образовав основу для созданного весной 1944 г. Казачьего стана под руководством походного атамана полковника С.В. Павлова, объединявшего казачьи беженские станицы и воинские части.

Весной 1943 г. германское командование приступило к формированию 1-й казачьей дивизии под командованием генерал-майора Г. фон Паннвица, отобрав для этого ряд наибо-

лее боеспособных казачьих частей с разных участков фронта. С осени 1943 г. и до конца войны дивизия действовала на территории Хорватии и Боснии против югославских партизан Тито, а в декабре 1944 – марте 1945 гг. отдельные ее части принимали участие в боях на фронте против советских и болгарских войск. В августе 1944 г. 1-я казачья дивизия в организационном отношении была передана в подчинение войск СС, и с этого же момента началось ее развертывание в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС за счет включения других казачьих частей, перебрасываемых с Западного и Восточного фронтов.

Весной 1944 г. германское командование предоставило Казачьему стану территорию для временного проживания в Белоруссии в районе Новогрудка, обязав казаков поддерживать порядок и вести борьбу с партизанами. После начала советского летнего наступления Казачий стан, который после гибели Павлова возглавил Т.И. Доманов, был эвакуирован на территорию Польши, а затем по железной дороге переброшен в Северную Италию. Общая численность Казачьего стана в последние дни войны достигала 31,4 тыс. чел., включая 6,3 тыс. негодных к службе по возрасту и состоянию здоровья, 4,2 тыс. женщин и 2,4 тыс. детей. Строевые части состояли из двух дивизий (по две бригады в каждой), юнкерского училища и нескольких отдельных полков и дивизионов. Они не входили в состав Вермахта или иных германских вооруженных формирований, а по своей структуре очень напоминали казачьи части Донской и Кубанской армий периода Гражданской войны. Вопреки распространенному мнению, в рядах казачьих формирований служило немного старых эмигрантов. Так, из 1430 офицеров-эмигрантов, находившихся к концу войны в Казачьем стане, менее 300 занимали различные строевые и административные должности. В других казачьих частях эмигрантов было еще меньше.

Идейное руководство казачьими частями осуществляло созданное при Министерстве оккупированных восточных территорий Главное управление казачьих войск (ГУКВ) во главе с генералом П.Н. Красновым. Этот орган играл роль связующего звена между казаками и германскими официальными структурами, помогая обеспечивать комплектование казачьих частей и устройство казачьих беженцев. После создания Комитета Освобождения Народов России руководство Главного управления казачьих войск отказалось присоединиться к нему, усматривая в его деятельности угрозу независимости, обещанной казакам немцами в соответствии с декларацией от

10 декабря 1943 г. Однако в конце апреля 1945 г. командование 15-го казачьего кавалерийского корпуса, а вслед за ним и Казачьего стана объявили о присоединении к Вооруженным Силам КОНР и подчинении Власову, хотя в условиях военного и политического коллапса Третьего рейха это присоединение имело не более чем номинальный характер. В начале мая 1945 года части 15-го казачьего кавалерийского корпуса войск СС и Казачьего стана прорвались из Хорватии и Северной Италии на территорию Австрии, где сложили оружие перед британскими войсками. В конце мая – начале июня основная их масса (около 35 тыс. чел.) на основе Ялтинских соглашений была выдана в СССР.

В качестве еще одного проявления гражданской войны в русском коллаборационизме можно рассматривать организацию Локотского окружного самоуправления. Это политико-административное образование ведет свою историю с самого начала оккупации немцами западных районов Орловской области в октябре 1941 г., когда в поселке Локоть Брасовского района два местных инженера – К.П. Воскобойник и Б.В. Каминский – в недавнем прошлом ссыльнопоселенцы, предложили германскому командованию свои услуги по организации местной власти. Это предложение встретило поддержку германских властей, в результате чего к июлю 1942 г. под контроль Локотского самоуправления были переданы 8 районов Орловской и Курской областей и образован Локотский округ, пользовавшийся большой степенью внутренней автономии. Следует отметить, что новая власть пользовалась поддержкой определенной части местного населения, особенно тех, кто пострадал от коллективизации и репрессий 30-х годов.

Вся полнота власти в округе находилась в руках обер-бургомистра Каминского (Воскобойник в январе 1942 г. был убит партизанами). В своей деятельности он опирался на административный аппарат и бригаду т.н. Русской освободительной народной армии (РОНА) общей численностью до 12 тыс. чел., имевшей на вооружении артиллерию и танки. Это соединение, личный состав которого был представлен местными жителями, перебежчиками из партизанских отрядов и окруженцами, не входило в состав германского Вермахта. Первоначально оно комплектовалось за счет набора добровольцев, а затем путем мобилизаций. Командование бригады было целиком русским, ввиду недостатка кадровых командиров на командные должности часто назначались бывшие сержанты, старшины и рядовые красноармейцы.

Рассматривая свою деятельность во всероссийском масштабе, организаторы Локотского самоуправления позаботились и о создании собственной партии – Народной социалистической партии России. Однако «партийное строительство» носило скорее формальный характер и являлось не более чем робкой попыткой подражания германской НСДАП. Основным направлением деятельности самоуправления являлась борьба с партизанами, в связи с чем обер-бургомистр более проявлял себя как военный, нежели как политический деятель. Эта борьба была жестокой и бескомпромиссной с обеих сторон, представляя собой гражданскую войну фактически в чистом виде. В сентябре 1943 г. в связи с ликвидацией Локотского округа в результате советского наступления бригада Каминского вместе с эвакуированными членами семей личного состава и органов самоуправления была передислоцирована в Белоруссию в район г. Лепель, а затем в район г. Дятлово, где была предпринята попытка организовать автономный округ по образцу Локотского.

В июле 1944 г. началось развертывание бригады РОНА в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС, однако этот процесс так и остался незавершенным из-за начавшегося в Варшаве восстания, на подавление которого был брошен сводный полк РОНА. Общее падение дисциплины, вылившееся в грабежи и насилия в отношении, как польского населения, так и германских подданных, заставило немцев принять жесткие меры. Каминский был осужден военным трибуналом СС и расстрелян, а части его бригады выведены из Варшавы. Поздней осенью 1944 г. личный состав и вооружение бригады РОНА были переданы на формирование 1-й дивизии Вооруженных сил КОНР.

Русский охранный корпус, бригада Каминского и наиболее крупные казачьи соединения отличались от основной массы восточных формирований Вермахта прежде всего тем, что они создавались по инициативе не германского командования, а различных антисоветских групп, как в эмиграции, так и на оккупированной территории, которым германские власти стали оказывать поддержку, рассчитывая получить для себя практическую пользу от воплощения в жизнь этих начинаний. Среди бойцов этих формирований был высокий процент добровольцев, чья политическая мотивация обуславливала соответствующий моральный дух и боеспособность. Однако если возникновению данных формирований способствовала инициатива «снизу», их существование целиком зависело от воли германского военного и политического руководства, ору-

дием в руках которого они фактически являлись, несмотря ни на какие высокие мотивы и устремления.

Рассуждая о проявлениях гражданской войны на общем фоне советско-германского противостояния 1941-1945 гг., необходимо помнить, что война между СССР и Германией представляла собой не столько столкновение идеологий или политических режимов, сколько противоборство великих держав и наций, то есть имела, прежде всего, геополитический характер. В таких условиях борьба антисоветских группировок против коммунистического режима объективно велась в интересах внешнего врага, преследовавшего в отношении России захватнические цели, и поэтому, при всей ее исторической обусловленности и трагизме, никак не может быть предметом героизации и прославления.

Коллаборационизм на оккупированной немцами территории России и Белоруссии как форма гражданской войны

Ник ТЕРРИ,
преподаватель Исторического факультета
Экзетерского университета
(Великобритания)

Большое спасибо за ваше приглашение, и что я получил возможность выступить.

Я хотел бы поговорить о ситуации, которая сложилась на территории СССР, оккупированной группой армий «Центр». В эту территорию входила Восточная Белоруссия и западная часть территории РСФСР. Она характеризовалась тем, что там происходила одна из наиболее напряженных фаз партизанской борьбы на территории Советского Союза, и вместе с тем эта территория характеризовалась также высоким уровнем коллаборационизма в плане поддержки нацистских войск и нацистской оккупации.

Я хотел бы упомянуть несколько примеров. Там были полицейские силы, были так называемые «восточные батальоны» («ост-батальоны»), подразделения Каминского, шуцманшафт-батальоны, относившиеся к СС, а также подразделения казаков, которые формировались на местной основе.

И, в конечном итоге, можно привести цифру – 150 тысяч человек, которые с оружием в руках поддерживали нацистский режим в этом регионе. Причем, надо сказать, что большая часть из этих 150 тысяч была привлечена именно из местного населения, в отличие, например, от «ост-легионов», которые воевали на Северном Кавказе и которые были сформированы и прошли обучение в Польше.

Значительная часть этих военных подразделений, оказывающих поддержку нацистским войскам, была сформирована из военнопленных, которые попали, соответственно, в плен, но также не менее значительная часть была сформирована именно из местного населения, которое проявило к этому готовность. Конечно, одновременно те же источники, то есть это бывшие военнослужащие Красной Армии и местное гражданское население были источниками для пополнения партизанских формирований. И примерно до середины 1942 года коллаборационистские образования, и партизанские формирования были примерно одинаковыми по численности.

Но уже в 1943 году партизанское движение стало быстро расти, и одним из источников пополнения сил партизан было именно дезертирство определенной части коллаборационистских воинских подразделений. Так что в определенной степени можно говорить о том, что и коллаборационистские воинские подразделения, и партизанские формирования можно рассматривать как две стороны одной медали. Потому что они имели в качестве источников примерно одни и те же круги гражданского населения и военнослужащих.

Мы, конечно, должны обратить внимание на причины коллаборационизма. Хочу, конечно же, упомянуть также предыдущее выступление моего коллеги, который говорил об эмигрантских кругах. Так что можно сказать, что определенные источники коллаборационизма в России были связаны с революцией и различными военными конфликтами в послереволюционный период в истории России. В своих исследованиях, когда я работал с немецкими архивами, я обнаружил, что не менее чем три российских князя проходили службу в немецких войсках в этом регионе в этот период времени. Тем не менее, я согласен с моим коллегой, который отметил, что в целом количество бывших эмигрантов, которые проходили службу в немецких войсках на этой территории, в общем, было незначительное.

И можно отметить также роль пропагандистских эмигрантских изданий, в частности, газеты «Новое слово». Роль была незначительна, и местное население в данном регионе отрицательно относилось к этой газете. Можно упомянуть также так называемых «бывших людей», которые обеспечивали различные функции, в том числе администраторов, судей и какие-то другие гражданские функции. Но нельзя сказать, что их число было значительным. Необходимо также упомянуть служителей православной церкви – их число в Восточной Белоруссии было очень небольшим.

И в моей аргументации я бы не стал утверждать, что белая эмиграция была значительным источником для пополнения военных организаций и войск. Тем не менее, две основные группы, из которых фактически сформировалась основная часть коллаборационистов, это те, кто утратили иллюзии, или те, кто подвергся репрессиям в советский период. Например, Владислав Каминский или Михаил Октан, который стал издателем газеты «Речь». Но вместе с тем далеко не все коллаборационисты были бывшими кулаками, которые были в оппозиции к официальному режиму, — многие коллаборационисты относились к числу интеллигенции, которая, собственно, не выступала активно против коммунистической партии.

Ну, и, наконец, третья группа, которая порождала коллаборационизм, это были солдаты или гражданские лица, которые утратили иллюзии, которые были очень разочарованы и подавлены военными поражениями, которые испытывал Советский Союз, Красная Армия в начале войны. Таким образом, необходимым условием для развития коллаборационизма на этих территориях было падение советского режима в рамках операции «Барбаросса» в начальный период войны, и, соответственно, когда советская власть утратила свое существование, на западных территориях России, в Восточной Белоруссии. И, соответственно, определенная часть населения, хотя относительно небольшая, начала доносить на бывших сотрудников советских организаций. И, таким образом, сложилась ситуация, при которой начало партизанской борьбы, совпало с достаточно значительной симпатией определенных кругов населения к нацистскому режиму.

Уже к концу 1941 года на этой территории, о которой я говорю, сложилась ситуация, при которой часть региона находилась под контролем коллаборационистских сил, а другая часть региона имела очень сильное влияние и практически находилась под контролем партизанских сил. И фактически можно сказать, что активные партизанские действия, которые начали особенно развиваться с начала 1942 года, в значительной степени происходили как столкновение между коллаборационистскими силами и партизанскими формированиями. Например, такая ситуация сложилась в Ельне, когда партизаны захватили город и казнили всех коллаборационистов, всех полицаев. Аналогичная ситуация была в Кучеве, но при этом части полицаев удалось скрыться, и они сами фактически вынуждены были вести партизанскую войну против партизанских сил. При этом надо отметить, что потери среди сил полицаев

и коллаборационистов были очень высокими. К 1944 году потери среди сил полицаяев составили около шести тысяч человек. Так что в ситуации, когда русским приходилось воевать с русскими, практически невозможно избежать ситуации, когда мы вынуждены называть это проявлением гражданской войны.

Еще одним проявлением русской жестокости, можно так назвать, были действия русского гестапо. Эти силы формировались в виде секретной полиции под эгидой СД и секретной полевой полиции, которая также формировалась в этот период. Количество членов такой секретной полиции достигало двух тысяч человек, и они, соответственно, действовали в различных регионах и в какие-то моменты превосходили, соответственно, по эффективности силы НКВД, которые там в прежнее время существовали. Эта секретная полиция занималась тем, что они проникали в состав партизанских объединений, они формировали так называемые псевдобанды, по выражениям британских историков, которые вели деятельность, схожую с партизанами. И, кроме этого, они также занимались тем, что они отлавливали каких-то активистов, подвергали их пыткам и насилию.

Таким образом, конфликты между коллаборационистами, полицаями и партизанами представляли собой небольшую гражданскую войну, идущую параллельно с усилиями регулярных немецких войск против партизанских формирований. Но необходимо отметить, что, конечно, большинство жертв, которые понесли партизанские формирования, было вызвано именно действиями регулярной немецкой армии. Но при этом я хочу отметить, что жертвы и жестокость, которые были вызваны действиями и конфликтами между коллаборационистами и партизанами, в значительной степени недооценены как историками на Западе, так и российскими историками. И, соответственно, все эти проявления гражданской войны можно обнаружить, если рассматривать действия и конфликтные ситуации между коллаборационистами и партизанами в этой ситуации.

Но при этом, поскольку шла такая гражданская война низового уровня, на рассматриваемой территории не возникал политический коллаборационизм, который был так характерен, например, для прибалтийских государств. И одним из объяснений отсутствия такого политического коллаборационизма было то, что различные виды противодействия советской власти, советскому режиму после 1917 года потерпели поражение. Таким образом, к рассматриваемому периоду, собственно, не было политических фигур. И, несмотря на то,

что коллаборационистское движение и проявление были достаточно многочисленными, тем не менее, среди них не было политической основы, которая могла бы дать дальнейшее проявление политическому коллаборационизму. Большое спасибо за ваше внимание.

Коллаборационизм постсоветской белорусской историографии: современное состояние проблемы

А.В.БЕЛЯЕВ,
кандидат исторических наук,
доцент Белорусского Национального
технического Университета

Еще раз здравствуйте, уважаемые коллеги.

Я думаю, что интересно, в связи с тем, что у нас уже в течение 20 лет между странами нарушились некоторые связи, в том числе и научные связи не всегда поддерживаются на должном уровне, я думаю, коллегам будет интересно послушать о том, в каком состоянии находится вопрос о коллаборационизме в белорусской исторической науке. Как и в других республиках Советского Союза, после развала СССР, в Белоруссии начинается становление собственного национального суверенного государства, и при этой ситуации происходит переоценка определенных исторических моментов, перестановка акцентов, пересматривание уже сложившихся каких-то стереотипов. В том числе это коснулось всей белорусской истории в целом, и в частности, истории Второй мировой, Великой Отечественной войны.

Но, что мне хотелось бы отметить, это то, что в республике Беларусь не произошло такого коренного изменения этих оценок и подходов, если сравнивать с тем, как это происходило у наших соседей, в частности в республиках Прибалтики и на территории Украины. Можно говорить, что в Беларуси, скорее, произошло расширение проблемного поля, акцентуация каких-то более новых моментов, которые до этого не находились в поле зрения наших историков. И происходило в то же время наращивание фактологической базы, поскольку у нас произошло открытие архивов, наши исследователи получили

доступ к новым материалам, и, соответственно, это позволило провести более глубокие исследования.

В частности, в начале 90-х годов у нас стала на повестку дня и проблема исследования вопросов коллаборационизма. И здесь в зале присутствует Алексей Михайлович Литвин, один из наших заслуженных профессоров, докторов наук, который, можно сказать, стоял у истоков этой проблемы, исследования, и, в общем-то, один из тех людей, который и в вузовскую науку, в преподавание ввел сам термин «коллаборационизм», и очень много способствовал изучению ее отдельных аспектов и освящению их в своих публикациях. Тем не менее, в связи с политической ситуацией начала 90-х в Республике Беларусь, точно так же, как и в других странах, были попытки представить в некоторой степени коллаборационистов, как борцов за независимое белорусское государство, как борцов одновременно и против сталинского режима и против гитлеровского режима. И, в первую очередь, это делалось самими же участниками коллаборации. Дело в том, что у нас, на территории Беларуси проводился Третий всебелорусский конгресс, если его можно так назвать, то есть были съезды представителей белорусской диаспоры, проводившиеся на территории Белоруссии, и они в какой-то степени инициировали и поддерживали издание на территории Белоруссии ряда материалов, сборников материалов, воспоминаний самих участников коллаборационистского движения. С одной стороны, эти материалы носили такой оправдательный характер, то есть в них участники этих событий пытались представить себя в более выгодном свете. Но, с другой стороны, надо отдать должное, что эти материалы, опубликованные на сегодняшний день, они позволяют нам получить более широкую картину о тех событиях. Правда, не всегда эти материалы отличаются достаточной степенью научной достоверности, но, тем не менее, на сегодняшний день они тоже используются белорусскими исследователями достаточно активно.

В частности, чтобы не быть голословным, вот в 1994 году в Белоруссии, в Минске издается художественная книга воспоминаний «Акула с могоарной дороги» в 1994 году выходит под авторством Винницкого «Материалы к истории белорусской эмиграции в Германии в 1939–1951 году». Несколько ранее еще в 1982 году в США были изданы двухтомные воспоминания Иголека, в 1993 году в Минске издается книга Ларисы Гениуш, одной из участниц, известных деятелей белорусской коллаборации, ее исповедь. В 1993 году выходит книга Ев-

гения Колубовича «Шаги истории», это исследования, статья и воспоминания. В 1998 году в Нью-Йорке издается книга Ефима Кейфеля «Эпизоды», несколько раньше в Минске была издана его же книга «Белорусы в США». В 1999 году в Минске издается книга Франца Кушеля, причастного к созданию белорусских коллаборационистских военных организаций, под названием «Попытки создания белорусской армии» (я на русский язык перевожу для коллег, эти все воспоминаия изданы на белорусском языке).

В 1993 году была издана книга Ивана Косяка, работника минской городской управы, и он включил в свою книгу также работы своего предшественника Надю Косяк «Беларусь вчера и сегодня», в которой содержится достаточно интересный взгляд глазами самих коллаборационистов на ситуацию внутри Белоруссии в годы Великой отечественной войны и оккупации.

В 2001 году вышла книга воспоминаний Леона Юревича «Вырванная бачина», «Избранный взгляд», воспоминания, к истории союза белорусской молодежи. То есть, в принципе, большое количество материалов попало в руки белорусских исследователей благодаря этим изданиям.

Тем не менее, публикацией одних материалов участников коллаборационистского движения в данном случае дело не ограничивалось. У нас начинается достаточно активная работа по осмыслению этого периода. И можно сказать, что основу для дискуссии положила публикация польского историка Юрия Туронка, который издает в 1993 году книгу под названием «Беларусь под немецкой оккупацией». И вот как раз в ней происходит, практически полный пересмотр старой советской точки зрения на события внутри Белоруссии, и вот эта книга положила началом для поисков самими белорусским историками, для рассмотрения вопросов о коллаборационизме.

Ну, и вот здесь нельзя не сказать о роле Алексея Михайловича Литвина, который приложил как раз в 90-е годы очень много усилий и издал огромное количество публикаций. В частности, благодаря ему, появилось само слово «коллаборационизм», и стало использоваться затем последующими исследователями этой сферы в белорусской истории. Впервые, насколько я понимаю, это было сделано в книге «Очерки истории Белоруссии», изданной в 1993–1994 годах.

Но и до этого еще была книга «История Белоруссии», изданная в Военной академии Республики Беларусь, там тоже прослеживался этот мотив. Кроме того, большое количество публикаций Алексея Михайловича было сделано в достаточ-

но уникальном для белорусской историографии издании это «Энциклопедия истории Белоруссии», шеститомное издание, которое включило в себя на тот момент (оно было сделано в 90-е годы), массу новой, до этого нигде не публиковавшейся информации по истории Белоруссии от древности до современности. И в том числе было много очень статей в этой энциклопедии, посвященных и самой проблеме коллаборационизма, отдельным коллаборационистским организациям, таким, как Белорусская народная самопомощь, Белорусская краевая оборона, Белорусская самоохота.

Также там содержались статьи по персоналиям активных деятелей коллаборационистского движения. Это, в частности, Радослав Островский, Гадлевский и ряд других, не буду сейчас их тут перечислять, их много. То есть, вот этот вот пласт новой информации, по сути, до этого и научному миру неизвестные многие факты, которые были изложены в энциклопедии.

И, самое главное, что вот это энциклопедическое издание, оно стало как бы основой, на его базе потом стали формироваться остальные исследования, то есть ссылки на это энциклопедическое издание стали вехой в расширении наших представлений о коллаборационизме.

Кроме того, Алексею Михайловичу Литвину принадлежит книга, изданная на территории Беларуси, это «Оккупация Белоруссии: вопросы сопротивления и коллаборации», на белорусском «Оккупация Белоруссии: пытанию супротиву і коллабрацыі» – издана в Минске в 2000 году, где как раз содержатся статьи о различных тоже белорусских национальных организациях, действовавших в годы Великой отечественной войны на территории Белоруссии.

Ну и важным моментом является докторская диссертация Алексея Михайловича и связанная с ней публикация под названием «Антисоветские военно-полицейские формирования на территории Белоруссии в годы Великой отечественной войны». В принципе, в этом исследовании, докторской диссертации, изложены как раз сведения обо всех действовавших на территории Белоруссии военных коллаборационистских частях, начиная от полиции, полиции порядка, и заканчивая воинскими формированиями, в том числе, и русской освободительной армии, иностранными легионами, находившимися на территории Белоруссии. То есть это очень серьезный был вклад в изучение именно военного коллаборационизма на территории Белоруссии.

В этом же русле, в рамках изучения военного коллаборационизма, находятся и работы Юрия Зверева, в частности его

кандидатская диссертация «Русские формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой отечественной войны». Также был ряд публикаций, связанных с проблемами военного коллаборационизма в отдельных сборниках научных работ, материалов конференций, в частности белорусская исследовательница Черноглазова занималась вопросами белорусской полиции, сидящий перед вами автор также опубликовал одну работу «Полицейские и судебные полномочия местной вспомогательной администрации в Белоруссии в годы оккупации».

Еще одной важной работой стала диссертация Игоря Сервачинского под названием «Коллаборационизм на территории Белоруссии», где была предпринята попытка комплексного анализа всех явлений коллаборации. То есть там автор выделил три главы – военный коллаборационизм, политический коллаборационизм и гражданский коллаборационизм. И часть вот этих моментов он рассматривает и в сопутствующих публикациях.

Я тоже приложил руку к исследованию данного вопроса, мною в 2005 году была защищена диссертация на тему «Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Белоруссии», где я как раз затрагивал проблемы именно коллаборационизма гражданского, то есть сотрудничества населения в экономической сфере, в социальной сфере, создание и деятельность органов местной администрации, то есть это областные управы, о которых до этого не писалось. У меня есть статья, посвященная именно областным управам, я считаю, что это определенная новация в изучении режима: районные, городских управы, деятельность сельских старост, их деятельность в сфере хозяйственно-экономической, выполнение поставленных оккупантами задач, деятельность маневрирования оккупантов, проводившаяся через эти органы в социальной сфере и так далее.

Также белорусскими историками были затронуты, рассмотрены проблемы коллаборационизма в гражданской сфере, в политической сфере.

В частности, у нас вышла книга Соловьева «Белорусская центральная рада: создание, деятельность, крах». Очень интересное исследование, посвященное белорусскому правительству, созданному под немецким руководством. Исследовательница Силова написала и защитила кандидатскую диссертацию по теме «Белорусская православная церковь в годы войны», эти вопросы получили освящение в нашей историографии.

Также одной из родоначальников изучения гражданской коллаборации стала исследовательница Еленская, которая написала источниковедческую работу по исследованию документов, содержащихся в архиве Брестской области, полностью охватывающих все коллаборационистские организации, которые там были задействованы.

Вопрос интеллигенции, ее участия в коллаборационизме поднимается в монографии Владимира Кузьменко «Интеллигенция в Белоруссии в период оккупации».

Была также написана диссертация по системе школьного образования, автор Марат Жилинский.

Вопросы молодежной политики оккупантов, создание Союза белорусской молодежи, Союз русской молодежи, Союз татарской молодежи на территории Белоруссии были подняты в докторской диссертации, монографии нынешнего директора Института истории Академии наук Александра Коваленя.

Есть еще ряд более мелких публикаций, которые охватывают разные аспекты коллаборационизма, их проявление на территории Белоруссии.

В том числе хочу сказать, что на территории Белоруссии на сегодняшний день введен обязательный курс во всех высших учебных заведениях, который называется «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны». Он преподается всем студентам всех вузов, и до этого несколько лет назад этот курс преподавался также школьникам старших классов. И там, в разделе «Оккупационный режим» также присутствуют моменты, связанные с коллаборационизмом, причем подаются они в сопоставлении с партизанским режимом, с теми зверствами, которые творили оккупанты на территории Белоруссии. То есть современная учащаяся молодежь может сделать соответствующие выводы в нужную сторону. Но при этом замалчивание явления пока что, слава богу, не происходит, хотя попытки такие есть.

Мне кажется, что проблема, несмотря на кажущуюся свою остроту, должна подниматься и в студенческих аудиториях, и в школьных, потому что, не имея памяти об этом, конечно, сложно будет говорить, и тогда появляется масса спекуляций на эту тему. Я надеюсь, что если будет опубликован доклад, то сможете ознакомиться подробно со всеми выходными данными этих книг, и с той информацией, которая, к сожалению, из-за нехватки времени не вошла в мой доклад.

Но в целом, еще раз повторю, на территории Белоруссии проблема коллаборационизма изучается, причем всесторонне

изучается и при этом она находится как бы под контролем государства, то есть этот вопрос, исследование периода Великой Отечественной войны, с государственной стороны имеет очень важное значение. Вообще тема Великой Отечественной войны для Белоруссии – это сегодня одна из важных тем в формировании национального самосознания, в становлении современного белорусского государства.

Роль коллаборационистов северной и северо-западной Европы в обосновании нацистской доктрины «единого германского наследия»

Малт ГАШЕ,
научный сотрудник
Центра нордических исследований
Хельсинкского университета

Благодарю вас за приглашение, которое я получил. Для меня это интересный опыт работы – работа через переводчика. И я хотел бы рассказать сегодня о роли коллаборационистов северной и северо-западной Европы в развитии нацистской концепции общегерманского наследия. Сначала я хотел бы рассказать о небольшом эпизоде. В последние дни Второй мировой войны сотрудник «Анэнэробэ», австрийский германист доктор Ганс Шнайдер скрылся из штаб-квартиры в Берлине с тем, чтобы избежать пленения советскими войсками. Он воспользовался новым именем – Ганс Шверте. А его жена объявила его погибшим. Затем она вышла снова за него замуж уже, как за нового человека. Он усыновил своего собственного ребенка, и затем, как студент, стал изучать немецкую филологию в университете Гамбурга, и совершил новую академическую карьеру. А 27 апреля 1995 года бывший ректор университета Ахена профессор доктор Ганс Шверте, был вынужден сделать признание, что он и есть доктор Ганс Шнайдер. И это раскрытие Шверте привело к скандалу в Германии.

Итак, кто такой был Ганс Шнайдер? В процессе разъяснения и расследования обнаружилось, что он был администратором пропагандистского проекта СС «Наследие предков». Шнайдер координировал деятельность по убеждению населения Бельгии, Дании и Норвегии в том, что они имеют общегерманское

наследие вместе непосредственно с Германией. И целью этой работы было подготовить расширенное германское сообщество в рамках формирования великого германского рейха.

Внутри СС Шнайдер относился к группе исследований и разработок, сформированной Гиммлером, которая называлась «Ahnenerbe» – «Древнее наследие». Эта организация была основана в 1935 году, и целью ее деятельности было исследовать область распространения духа, достижений и наследия индогерманских народов нордической расы. Но в основном, главное направление работ было связано с германской историей и культурой.

Летом 1942 года «Ahnenerbe» начало работу по координации пропагандистской деятельности в Нидерландах, Фландрии, Норвегии и Дании. Весной 1944 года «Ahnenerbe» расширила свою деятельность также и на Валлонию. И в рамках этого проекта СС Шнайдер также занимался деятельностью по сотрудничеству с коллаборационистами из Британии. Таким образом, у «Ahnenerbe» был один представитель в Брюсселе, один в Гааге, и один в Осло. Сотрудники «Ahnenerbe» располагались в тех местных отделениях СС, которые отвечали за привлечение на службу членов «Ваффен-СС».

И я хочу подчеркнуть, что было всего три местных представителя и сам Шнайдер, и, таким образом, успех работы по пропаганде среди населения северной и северо-западной Европы, и доказательство того, что они имели общегерманское наследие и происхождение, зависели именно от совместной работы и сотрудничества с представителями местного населения. Надо отметить, что в рамках «Наследие предков» было больше сотрудничества с Западной Европой, чем с Северной Европой. Каковы были причины этого?

Перед тем, как я перейду к более подробному исследованию этого вопроса, я хотел бы кратко описать концептуальную основу деятельности «Ahnenerbe». Идеологической отправной точкой этого проекта был биологически-органический подход к делению мира. В этой связи современные государства, такие как Франция, Бельгия или Голландия, Нидерланды, рассматривались, как искусственные создания. И, соответственно, с рамками биологически-органического подхода семья рассматривалась как естественное наименьшее общественное образование, а затем следовал клан и племя. Множество племен формировало нацию, или по-немецки «Volk». И с этой точки зрения, германская концепция нации естественно отличалась от современного понимания нации во Франции, Бельгии или в других европейских странах.

При органическом подходе к философии жизни можно отказаться от церкви, но вы не можете оставить в стороне семью. Таким образом, в рамках фашистско-немецких попыток подготовки германского сообщества для Великого рейха, задача состояла в том, чтобы подготовить верования людей в северной и северо-западной Европе к тому, что они принадлежат к той же нации и к той же семье. А неестественные образования, такие как государства, должны быть исправлены.

Операции «Germanische Wissenschaftseinsatz» предшествовала деятельность Шнайдера в Нидерландах и во Фландрии с лета 1940 года по лето 1942 года. И уже в этот период он начал интеграцию жителей Голландии и Фландрии в так называемое большое германское сообщество.

Подход Шнайдера заключался в том, чтобы поддержать местный патриотизм в Нидерландах и во Фландрии, то есть в части Бельгии с голландским языком. Задача состояла в том, чтобы поддержать франкское самосознание фризгов на севере Германии, а также во Фландрии. Что касается голландско-говорящей части Бельгии, Шнайдер также пытался отвергать французско-романское влияние.

Подход Шнайдера также заключался в том, чтобы критиковать современное развитие и положение общества, и искать альтернативные точки соприкосновения в жизни, возврат к старым традициям, фольклору, истории родины, искать возврат к корням. И это вряд ли можно назвать непривлекательной идеей.

Более того, концепция Шнайдера была направлена на то, чтобы развивать в Бельгии западные и голландско-говорящие традиции, и обеспечивать их более тесное взаимовыгодное сотрудничество и взаимодействие. Шнайдер нацеливался на определенную деятельность, которая охватывала бы территории по разные стороны границы. Задача состояла в том, чтобы устранить голландско-германскую границу, которая с его точки зрения являлась искусственным образованием.

С другой стороны немцы очень осторожно относились к идее автономии датско-фландрского сообщества, то есть как бы Великого голландского рейха. В конечном итоге это политическое течение играло разрушительную роль для существования голландского и бельгийского государств. Шнайдер никогда не имел полной уверенности в том, сколько же голландских и фландрских единомышленников, которые работали с «Ahnenerbe», были на самом деле тайными приверженцами голландского Рейха.

Во Фландрии Шнайдер мог рассчитывать на маргинальные, но, тем не менее, существующие течения, которые симпатизировали идее присоединения к Германии еще со времен Первой Мировой войны. Уже летом 1940 года Шнайдеру удалось достичь господства в местной голландской организации, которая была аналогично «Ahnenerbe», видело свою задачу в том, чтобы напоминать голландцам об их германских корнях и традициях. Шнайдер переименовал это общество, расширил его, и оно трансформировалось в так называемую Германскую рабочую группу в Нидерландах.

В Северной Европе наблюдалось гораздо меньше коллаборационизма. И вопрос в том, почему существовала такая ситуация. Немцы, например, восхищались принцем Армениусом, который победил римские легионы в 9-ом году нашей эры. И скандинавы рассматривали себя, как последователи викингов, а не германцев.

В августе и сентябре 1944 года тысячи западноевропейских коллаборационистов, которые сотрудничали с нацистами, бежали со своими семьями в Германию. В рамках проекта «Germanische Wissenschaftseinsatz» организация «Ahnenerbe» обеспечивала уход и прикрытие для своих голландских, фландрских и валлонских сотрудников-коллаборационистов и их семей. Собственно на этих беженцев в статусе коллаборационистов и их влияние, пока еще мало обращали внимание исследователи. К категории этих коллаборационистов и членов их семей с большим трудом применялся статус беженцев, когда они были вынуждены бежать в Германию в 1944 году.

И эта глава истории все еще ждет своего исследования.

Деструктивная церковная политика Румынии в губернаторствах Бессарабия и Транснистрия в 1941–1944 гг.

В.А.СОДОЛЬ,

**кандидат исторических наук,
доцент кафедры Отечественной истории
Института истории, государства и права
Приднестровского государственного Университета**

Проблемы освещения религиозной политики Румынии на территории оккупированной Молдавской ССР стали привлекать внимание сравнительно недавно. В Советской Молдавии им не придавалось особого внимания. Даже в сборниках исторических документов, которые были изданы в 1960–70-е годы (один из них был посвящен конкретно реакционной роли церкви в истории Молдавии) данные материалы фактически отсутствуют. За исключением одного документа, который показывает преференцию румынского правительства, которая была дана монастырям в налоговом отношении. Возможно, что причинами этого стали идеологические ограничения, поскольку Румыния, как известно, в послевоенный период примкнула к социалистическому лагерю и портить отношения, возможно, было не очень корректно.

В дальнейшем ситуация не очень изменилась и после прихода к власти сторонников объединения с Румынией, так называемых румынофилов или унианистов. Хотя, в это время отличался интерес к истории церкви в целом. Но, например, был составлен сборник ассоциации православных студентов-румын, которые нашли сведения обо всех святых местах в Бессарабии. Но тем не менее, они не упомянули фактически не одного слова о положении церковных институтов именно в период Второй мировой войны. Хотя предвоенный период и советский период

нашли там довольно подробное освещение. Историк Петренко опубликовал лишь некоторые статистические данные, которые характеризуют положение бессарабской церкви в данное время. При этом вся ответственность за церковную политику была возложена лично на диктатора Антонеску, с которого после 1946 года, как известно, взятки были гладки.

Ряд сведений о состоянии монастырей в годы оккупации и в послевоенный период опубликовал Валерий Иванович Посад, который сейчас, кстати, издал сборник очень хороших документов о православной церкви в Молдавии, планируется издать четырехтомник. Он там оговаривает, что период военной оккупации 1941 – 1944 годов будет выпущен отдельно. Пока эти документы остаются также не опубликованными. Свое внимание уделили в работах и церковные историки. Они, в частности, говорили об ущербе, который был нанесен церкви в годы войны.

Но целенаправленное внимание к проблемам церковной политики Румынии в зоне оккупации, уделил лишь один историк Петр Михайлович Шорников. Он написал две специальные статьи. И по результатам докладов на конференциях в этих статьях он выделил истоки религиозной политики Румынии, ее цели, выявил методы реализации церковной политики. И показал сопротивление верующих и клира планам румынизации населения. Нужно сказать, что наш интерес к данной проблеме обусловлен тем, что в настоящее время продолжают попытки румынского патриархата восстановить свою юрисдикцию в Республике Молдове, которые провоцируют церковный раскол в нашей стране. Естественно, что данный момент религиозной политики Румынии в годы Великой Отечественной войны, необходимо помнить, чтобы иметь представление, к чему румынская церковь может привести молдавский народ.

Захватив территорию Молдавской ССР, немецко-румынские оккупанты ее расчленили, организовали здесь три губернаторства: Бессарабия, Транснистрия, Северная Буковина, соответственно – Буковина. Туда в основном вошли украинские территории. Одним из следствий такой захватнической политики румын стало расширение румынского патриархата не только на земли Бессарабии, которые уже входили в ее состав в ходе оккупации 1918 – 1940 годов, но и Транснистрии, то есть Заднепровья. В эти регионы ранее юрисдикция румынской православной церкви никогда не распространялась. Руководящими органами по осуществлению религиозной политики

Румынии на оккупированных территориях помимо собственно румынского патриархата стали директорат просвещения и религиозных культов при бессарабском генерал-губернаторстве, а также дирекция просвещения, культов и пропаганды при администрации Транснистрии. В Пруто-Днестровском междуречье была восстановлена кишиневская архиепископия, которая существовала здесь до 1940 года. А в Заднестровье была образована специальная Румынская православная миссия. Ее первым руководителем стал известный русофоб Юлий Скрибан.

Протоирей Ципин отмечает, что румынская патриархия распространила свою юрисдикцию на молдавской территории без согласования с Русской православной церковью, то есть канонически незаконно. Но, тем не менее, опираясь на властную структуру румынского государства, румынское духовенство приступило к активной реализации поставленных перед ним задач. Стратегической целью Румынии была румынизация населения оккупированных территорий, и в этом процессе православной церкви была отведена роль органа национальной пропаганды. В Бессарабии систематично стали уничтожать надписи на иконах на русском и церковнославянском языках. Изымали из обихода книги, написанные кириллицей. Было введено обязательное богослужение на румынском языке даже для тех сел Заднестровья, где большинство жителей были русскими и украинцами, и румынского языка не знали. Основными проводниками румынизации естественно должны были стать рядовые священники. В Бессарабии из 990 бессарабских священников 250 были направлены в составе румынской церковной миссии за Днестр в Транснистрию. На территории Бессарабии образовались вакантные приходы, куда и назначали этнических румын. Количество румынских священников постоянно возрастало, и к лету 1943 г. они составляли уже более трети всех священников Бессарабии.

На территории Транснистрии оккупационные власти сумели открыть около 500 храмов. До войны большевики оставили только один действующий храм. Прихожане этих храмов к осени 1942 года окормлялись 461 священником. Из местных уроженцев среди них насчитывалось всего 196, а священников-румын 265, то есть более половины. Румынская православная миссия в течение всего периода стремилась решить проблему кадрового голода на приходах. В частности, была открыта Дубоссарская духовная семинария, в которой получали богословское образование 80 слушателей. Так как на семинарию

тоже была возложена задача румынизации церковной жизни, а в перспективе и всего населения Заднепровья, то занятия проводились на румынском языке. Чтобы унифицировать обрядность, был издан приказ Министерством культов реформировать церковный календарь и проводить в храмах церковные службы по новому стилю, причем это касалось даже старообрядческих приходов.

Первоочередной задачей духовенства являлось освящение власти Румынии, Бессарабии и Транснистрии. И в рамках данного направления уже 17 октября 1941 года архиепископ кишиневский Ефрем в кафедральном соборе епархии провел благодарственный молебен по случаю оккупации Одессы немецко-румынскими войсками. Подобные богослужения проводились также по поводу захвата Севастополя, дней рождения фашистского лидера Муссолини, Гитлера и диктатора Антонеску, а также в связи с первой и второй годовщиной начала войны против Советского Союза. В ходе таких мероприятий присутствовали губернатор, руководители службы губернаторства, священники и немецкие офицеры. Естественно также было вынуждено присутствовать и гражданское население.

Важным направлением стали попытки румынского духовенства оторвать население оккупированных территорий от традиционно российской геополитической ориентации. Идеологической базой стала пропаганда антибольшевизма. Излюбленным приемом стало противопоставление румынского православия российскому патриотизму, для этого отождествляли русских с большевиками.

Кроме того, духовенство было призвано сыграть значительную роль в деле принуждения населения и обслуживать материальные потребности захватчиков. Церковь активно участвовала в принудительном сборе у населения пожертвований на нужды румынской армии, вплоть до того, что собирали даже семена акации. В ходе таких мероприятий даже шли на ограничение традиций молдавского населения. Например, губернаторство Бессарабии запретило слишком продолжительные свадьбы, традиционные для жителей Южной Бессарабии. Духовенству было предписано прекращать празднества, которые длились более двух дней.

Румынские власти привлекли церковь к осуществлению политического надзора, была создана секретная служба миссионеров. Главной задачей агентов стало наблюдение за рабочими, крестьянами, торговцами и интеллигенцией, румынскими функционерами. Ряд священников, нарушая тайну исповеди,

направляли руководителям администрации оценочные материалы о морально-политическом состоянии населения или даже доносы. По доносам священников совершались аресты партизан, подпольщиков, патриотов.

Таким образом, будучи органической частью государственного аппарата Румынии, Румынская православная церковь стала послушным орудием в руках преступников. По указке оккупационных администраций она участвовала в насильственной румынизации населения. Духовенство способствовало уничтожению многих произведений церковнославянской культуры и вывозу церковных ценностей из края. Румынские священнослужители запятнали себя верным служением органам политического сыска, вследствие чего были замучены и убиты многие патриоты. В рамках нынешнего стремления Румынской православной церкви поделить церковное имущество, находящееся на территории республики Молдова, очень важно помнить об этих моментах в периоды Великой Отечественной войны.

Советские генералы в плену

А.А.ПЕЧЕНКИН

декан гуманитарного факультета
Вятского государственного университета

Особенная профессиональная группа – советский генералитет периода Великой Отечественной войны. Дело в том, что это люди, которые получили звание генералов до войны. Это весьма специальная группа, прошедшая, как правило, в большинстве своем несколько войн – Первую Мировую, Гражданскую. Часть из них воевало в Испании, воевало с японцами. Очень многие из них воевали в Финляндии в 1939–1940 годах. Кроме того, они пережили страшную трагедию 1937–1938 годов, когда погибли более 800 человек высшего начальствующего состава Красной Армии. И даже те, кто выжили в эту ежовщину, конечно, не могли не испытать на себе психологического давления. И это влияло на их поступки в будущем.

В частности, когда в 1940 году впервые были введены генеральские звания, и они были присвоены большой группе людей: 1076 человек стали тогда генералами и адмиралами. Так вот из этих 1076 человек, 54 по моим подсчетам, перед этим успели посидеть в ежовщину. Они вышли, получили генеральские звания, но, конечно, они никак не избавились от того, что было с ними. Это влияло и на остальных, тех, кого миновала чаша сия, но которые знали, что в любой момент с ними могут поступить точно так же.

Если придерживаться сугубо цифр, то, казалось бы, из 1076 в плену оказалось 72 человека генеральского звания, это не так много. А если вообще учесть советский генералитет периода войны, то он вырос в пять раз. И в 1945 году у нас было 5595 генералов и адмиралов. От этого числа 72 человека – это полтора процента. То есть небольшая цифра, но, тем не менее, она показательна. Как повели себя эти люди, оказавшись в плену?

Можно сразу сказать, что большинство советских генералов попали в плен в период июня-ноября 1941 года, и мая-июля 1942 года. Эти два наиболее важных периода, когда происходили крупные котлы окружения наших войск в Белоруссии, на Украине. И в следующий раз уже весной 1942 года – это Харьковская операция проваленная, частично Крымская, и самая печальная, наверно, наступательная операция Второй ударной армии Власова, когда тоже несколько генералов попали в плен. На что могли рассчитывать эти люди?

Дело в том, что в первые же дни Великой Отечественной войны Сталин свалил всю вину за поражение на конкретных генералов. Был издан соответствующий приказ наркома обороны в июле 1941 года, и затем постановление государственного комитета обороны, которое было доведено до офицерского состава. И там прямо и непосредственно виновными в поражениях назывались конкретные люди, которые очень быстро были арестованы. 22 июля они уже были расстреляны. И об этом было громогласно сообщено на всю армию.

Среди генералов, расстрелянных Сталиным во время войны, было восемь Героев Советского Союза. То есть, как правило, очень известные, заслуженные в своей среде люди. Но и те люди, кто не были героями, тоже прошли большой боевой путь. И с ними вот так поступили. Те, кто попали в плен, они об этом знали, потому что об этих арестах и расстрелах сообщалось в приказах наркома обороны. И это не могло не влиять на их поведение. Конечно, кто-то все равно оставался на своих позициях, несмотря ни на что, надо вернуться домой, или надо вырваться из плена. Или же, если уж так не повезет, то все-таки вернуться после окончания войны. Но эти люди понимали, что у них нет гарантии благожелательного к ним отношения.

Ведь скажем, в Первую мировую войну, генерал, попавший в плен, не считался опозоренным. Он мог спокойно досидеть в лагере австрийцев или немцев до конца войны. И никто бы его в этом даже не упрекнул. Когда генерал Лавр Георгиевич Корнилов бежал из плена в Первую мировую войну, добежал до наших, его сделали чуть ли не национальным героем, повысили в звании, дали орден, прославили. В советское время отношение к бывшим пленным было совсем иным, как мы знаем. То есть, коренным образом изменилась ситуация, плен считался позором, если не преступлением.

Наверняка вы помните, что в том же 1941 году после расстрела командования западного фронта, 16 августа 1941 года вышел приказ Ставки № 270, где прямо, поименно, Сталин

опять перечисляет новых виновников, что они, мол, добровольно сдались в плен, они якобы изменили присяге и так далее. И среди них называют конкретные фамилии генералов, командующих 28-ой армией, командующего 12-ой армией, командира стрелкового корпуса. Это генералы Кириллов, Понеделин, Качалов.

Если учесть, что генерал Качалов погиб в бою, а объявили, что он перебежал к немцам, его семью осудили, как семью врага народа. Правда, Кириллов и Понеделин попали в плен, но они не сдавались. Они попали в плен в бою, находясь в безвыходном положении. Но на них возложили уже вину за это, опять объявили об этом всей армии. И понятно, что для остальных, которые тоже потом, может быть, окажутся в плену, это не пройдет бесследно. Это влияло на их поведение. Но еще раз подчеркну, большинство из 72 попавших в плен генералов, вело себя достойно, на сотрудничество с немцами не шло, даже когда им обещали многие привилегии. Для человека, умирающего с голоду, достаточно дать немного, чтобы он понял, что ему оказываются привилегии.

Тогда же в 1941 году оказался в плену бывший командующий 16-й армией Михаил Федорович Лукин, заслуженный генерал, известный всей армии. Он в 1935 – 1937 годах был комендантом Москвы, его знала вся Красная армия. Потом он командовал армией и отличился в самых первых сражениях 1941 года под Смоленском. Тогда очень редко награждали орденами. Лукина же наградили Орденом Красного Знамени.

14 октября 1941 года он, несколько раз раненный, с раздробленной рукой и ногой, попал в плен немцам. Он стал инвалидом, ему ампутировали ногу, но когда этому изувеченному человеку предложили участвовать хотя бы в пропагандистских мероприятиях, он резко отказался.

Хотя много лет спустя, был опубликован протокол допроса. Немцы допрашивали генерала Лукина и стали говорить: «Смотрите, какой плохой человек генерал Лукин, вот что он говорил на допросе». А что он такого плохого говорил? Он говорил, что колхозы себя не оправдывают. С точки зрения сталинского времени это звучало как антисоветская агитация, но ведь он же сказал правду. Он говорил и о других недостатках, но он вовсе не призывал бороться со Сталиным, с его режимом. Только когда немцы его спрашивали, а возможно ли свержение этого режима, Лукин отвечал, что нет таких вождей, которые могли бы это возглавить. И себя на эту роль не предлагал. Хотя позже его обвиняли, что он де торговался и хотел якобы занять это

место. Ничего подобного там не было. Какие он выдал государственные тайны? Немцы спросили его, сколько производится самолетов, он дал цифры с потолка, которые не соответствовали действительности. То есть он их, напротив, обманул, никакого секрета он не выдал. Он преувеличил производство танков, столько не производилось. И наоборот преуменьшил производство самолетов.

Я думаю, что Лукин наоборот принес пользу нашей стране тем, что дезинформировал противника в этом случае. И, когда потом Власов к нему приходил, и звал к себе в команду, (ему нужен был такой авторитетный и известный всей армии человек) Лукин его послал очень далеко, несмотря на все сложности со здоровьем и прочим. Я не буду рассказывать про генерал-лейтенанта Карбышева, это очень хорошо известная всем история. Но есть другие примеры. Бывший адъютант наркома обороны генерал Снегов, опять же отказался от сотрудничества с генералом Власовым. Герой советского Союза генерал Шепетов, попавший в плен. И немцы тоже соблазняли его, ведь им нужен был герой Союза, такой знаменитый человек. Тот тоже не пошел, немцы расстреляли его. Но Шепетов не пошел на сотрудничество.

Так что из 72 пленных генералов, реально и по-настоящему сотрудничали только Власов, Малышкин, Закутный, Благовещенский, можно добавить сюда Егорова и Наумова. Вот те реальные генералы Красной Армии, которые стали коллаборационистами. Еще под вопросом участь генерала Рихтера, там очень сложный вопрос, потому что он пропал без вести, а потом от пленных стали поступать сведения, что якобы он сотрудничает с немцами. Но прямых доказательств нет, и не стоит порочить имя человека, если нет реальных доказательств этому.

Всего из 72 человек в плену погибло 23 генерала. Часть из них была расстреляна немцами за попытки побега, за антигерманское поведение в плену. Часть умерла от голода, побоев, лишений, но не пошла на сотрудничество с врагом. Были и побеги. Например, генерал-майор танковых войск Сергей Яковлевич Огурцов бежал из плена, прошел несколько сот километров по оккупированной территории, примкнул к партизанам, воевал и погиб, сражаясь. Генерал Аверкин погиб. Другой генерал Иван Андреевич Ласкин попал в 1941 году в плен. Но он сумел скрыть генеральское звание. И через несколько дней Ласкин бежал из плена, вернулся к своим и сделал очень большую карьеру. Он командовал 172-й дивизией, потом был начальником штаба армии, причем какой армии – которая отличилась в Сталингра-

де, армия Шумилова 64-ая, будущая 7-ая гвардейская. Ласкин принимал капитуляцию фельдмаршала Паулюса. Затем он стал начальником штаба Северокавказского фронта. За новороссийскую операцию получил орден Кутузова I степени. И сразу после этого был арестован. Потому что на него донесли, он был в плену и скрыл этот факт.

Начало 1944 года, Ласкин – генерал-лейтенант, кавалер многих наград, здорово воюет. Но ему припомнили, что он был в плену, и скрыл этот факт. И с 1944 до 1953 года Ласкин сидел. Потом вышел. Вернули ордена, звания; стал преподавать в Академии генерального штаба. Слава богу, уцелел. А ведь, кроме того, из освобожденных в 1945 году из немецких лагерей генералов, десять человек были расстреляны, а потом в 1957 году реабилитированы. То есть их расстреляли зря, конечно. Причем расстреливали в 1950 году, когда вновь восстановили смертную казнь, ведь ее с 1947 по 1950 годы не было. И после восстановления казни в 1950 году, их всех расстреляли.

Генерала Понеделина, которого в 1941 году обвинили в измене, генерала Кириллова. Их надо бы выпустить, доказательств враждебной деятельности не было. Но есть же приказ Сталина, подписанный в 1941 году, что они – враги, как их выпускать? Вот их и держали в заключении с 1945 по 1950 г., а в 1950 г. расстреляли.

Но, тем не менее, есть и другие примеры: 25 человек возвратившихся из плена генералов прошли проверку с мая по декабрь 1945. И 21 декабря, в свой день рождения, Сталин подписал указ отпустить, вернуть их в кадры армии. И большинство из них потом служило в военно-учебных заведениях. На командных должностях пробился только Михаил Иванович Потапов, друг маршала Жукова. Он, после войны, несмотря на свое нахождение в плену, сделал еще большую карьеру. Потапов стал генерал-полковником, заместителем командующего Одесским военным округом. Но остальные, как было сказано, обычно в военно-учебных заведениях, если было здоровье и силы, то они служили несколько лет.

Так что мы видим, что власовщина среди советских генералов не прижилась. Всего несколько человек – Наумов, Малышкин и Егоров – они были из тех, кто действительно очень сильно пострадал в 1938 году, отсидели какое-то время. Потом их выпустили. И они понимали, что они, якобы бывшие враги народа, в случае возвращения из плена, то им не дадут, наверное, жизни в Советском Союзе. Надо полагать, что это влияло на их поведение. Раньше у нас представляли, что это

какие-то ничтожества, дураки, не сумевшие сделать военную карьеру. Это неправда. И тот же генерал-майор Трухин был очень способный штабист. И он был очень хорошо известен до войны своими способностями.

И Андрей Андреевич Власов в 1940 году гремел по всей Красной Армии. Он был награжден орденом Ленина за то, как он руководил своей 99-ой стрелковой дивизией. Потом он получил механизированный корпус. Участвовал в обороне Киева, командовал тогда 37-ой армией. Он сделал, что мог, вышел из окружения с пятью солдатами. Но, тем не менее, вышел с войсками: пять солдат и ППЖ была с ним. Он вышел с войсками оттуда. Его быстренько проверили и назначили командующим 20-ой армией. В январе 1942 года в наступлении под Москвой, армия хорошо отличилась. Портрет Власова печатается на первой странице «Правды». Генерал-лейтенант, Орден Красного Знамени и заместитель командующего Волховским фронтом. То есть он делал карьеру, он не был бездарным человеком. Видимо, он посчитал, что киевское окружение ему простили, а вот волховское могут уже не простить. Хотя, думаю, он зря так считал. Потому что вместе с ним в этом же окружении был генерал Антюфеев, который не побоялся бороться и выходить из окружения, сражался. Генерал Афанасьев из его же второй ударной армии, прорвался к партизанам. От партизан прилетел на нашу территорию и его встретили нормально, его Сталин принимал.

Так что еще вопрос, простили бы или нет Власову это волховское поражение. Потому что это был все-таки июль 1942 года, когда Сталин уже понял, что расстреливать генералов это непродуктивная политика. В этот период такого уже не было такого. Если за всю войну Сталин уничтожил 54 генерала, то это было в основном в начале 1941 и до апреля 1942 года. Потом уже не было генеральских расстрелов, правда, умерил в тюрьмах два-три человека в это время. Но это было не расстрелы, это было другое. Поэтому очень сложная проблема советского генералитета, а особенно его положения в плену и после него.

Но эта проблема заслуживает и дальнейшего изучения. Среди них были не только предатели, но и настоящие герои. Спасибо.

The problems of collaboration in Yugoslavia during the Second World War

Dr. Boris MLAKAR,
The Institute of Contemporary History in Ljubljana
(Slovenia)

Almost all forms of collaboration registered and analysed with regard to the developments in the occupied territories during World War II by the contemporary European historiography, also manifested themselves in the Balkans, also at the occupied territory of the Kingdom of Yugoslavia. The latter was formed after the First World War through the union of Serbia and Montenegro with the State of Slovenes, Croats and Serbs, in other words the Southern Slavonic (Yugoslav) lands of the collapsed Austro-Hungarian Empire. The state did not boast a particularly democratic political system and it was constantly rocked by internal social disputes and, above all, national and ethnic disputes, where it would be difficult to say that the responsibility for all the problems lay with the so-called Greater Serbian domination or the dictatorship of King Alexander after 1929.

The 1934 assassination of the king in Marseilles – an act which involved Croatian and Macedonian national extremists – merely aggravated the situation. Despite this, an attempt was made in the late 1930s to reconcile Serbs and Croats, chiefly through the establishing of a special Croatian banovina. Yugoslavia, which between the wars had mainly forged ties with France, was not viewed favourably by the countries that bordered it, and some were openly hostile. In their eyes, Yugoslavia was an artificial creation of the treaty of Versailles which would sooner or later need to be broken up into its «natural» constituent parts. An additional danger appeared in 1938 following the Anschluss of Austria, a danger that was felt in particular by Slovenes in the far

north-west of the country. In March 1941, thanks to increasingly solid economic ties and increasing political pressure, Hitler finally managed to persuade Yugoslavia to sign the Tripartite Pact, and therefore wished to maintain it intact as a state. This did not apply to Mussolini, who as the heir to earlier Italian imperialism, despite occasional tactical manoeuvring, was planning the dismantling of a country that he saw as a competitor in the Adriatic, and who in other words wished to make the Adriatic an entirely Italian sea.

However, following the demonstrations against Yugoslavia's entry to the Tripartite Pact, and after the pro-British coup d'état of Serbian officers that followed them, Hitler too decided to attack Yugoslavia and break it up. Here the multiethnic structure of the country came into play as a factor. As well as Italy, Hitler invited Hungary and Bulgaria to join in the attack. This meant that the attack involved the participation of countries with old aspirations or claims towards individual parts of Yugoslav national territory, either because they believed that they were liberating their own oppressed minorities or (re-)uniting national territory, or because of other historical and pseudohistorical arguments. In the brief war in April 1941 the Axis forces compelled the Yugoslav army to surrender, whereupon the entire country was occupied and dismembered according to Hitler's whim. The king and the government eventually reached London and British protection via the Middle East. A number of other individuals from the political and cultural elite fled abroad, but the majority remained in the occupied country and now had to face the dilemmas brought by the occupation.

The occupation or the dismemberment of Yugoslavia and the different occupation systems deriving from this were actually causally linked to the unique national, cultural and historical diversity of the country. Appeals to arguments of this type served to justify both the Bulgarian occupation and annexation of a large part of Macedonia and the Hungarian occupation of part of Vojvodina and north-western areas along the Drava and Mura rivers. Something similar occurred with the Italian occupation of a large part of Dalmatia and Boka Kotorska. We could even place in the same context the Italian occupation of western Macedonia and most of Kosovo, where the Fascist authorities were acting (or said they were) in the name of Albania's puppet government, or representing its interests, with the aim of achieving the unification of all Albanians in a Greater Albania. Through his decision regarding the actual division of the Yugoslav spoils, Hitler actually wished to achieve several objectives: in the north-

west, to extend the borders of the German Reich by incorporating Slovene territory, which in his opinion was suitable for rapid Germanisation; to temporarily occupy parts of Yugoslavia, especially Serbia, for communications reasons; to satisfy the territorial aspirations of his allies in the attack, to satisfy the Croatian Ustashe in their demand for an independent state as a reward for their contribution to the destruction of Yugoslavia; and in the global sense to preserve and then further extend German opportunities in the economic exploitation of this area.

As regards specific developments in individual Yugoslav regions, let us first look at the southernmost region, Macedonia, which in the Yugoslavia of the time was frequently referred to as Southern Serbia. A large part of Vardar Macedonia was occupied by Bulgaria at Hitler's invitation, as was part of south-eastern Serbia and a small part of eastern Kosovo. As regards Macedonia, the Bulgarian authorities justified its occupation and annexation with the claim that the Macedonians were actually Bulgarian and that they had thus liberated a section of Bulgarians from Serbian authority and united them with the mother country. A section of the Macedonian population did actually find itself in this situation, and welcomed the arrival of the Bulgarians and cooperated with the new authorities. An expression of this position was the founding of the Central Action Committee in Skopje, although this was soon dissolved by the mistrustful Bulgarian authorities. The latter tried to Bulgarianise the Macedonians as quickly as possible, and to this end began a violent cultural and propaganda offensive, including the spread of Bulgarian patriotic organisations, most prominent of which was the «Branik» organisation.

In Macedonian history of the first half of the 20th century, the most visible role was played by the Internal Macedonian Revolutionary Organisation (IMRO, VMRO), commanded in this period by Ivan Mihailov. Formally, Mihailov was committed to an independent Macedonian state, but with the moral support of the Germans and Ustashe he stayed in Zagreb throughout the first years of the occupation. Because of the pro-Bulgarian views of its leader Metodi Shatorov, the Communist-led resistance movement did not begin until late autumn 1941, but it continued to grow in strength, thanks in part to the failure of the Bulgarianisation of the country. The authorities organized «counter forces» for the fight against the Partisans from among the local population, and these included Mihailov's supporters. Mihailov himself tried to persuade the Germans to organize his followers into special SS units, but with the exception of a small unit at the beginning of 1944, his

efforts did not bear fruit. His German-sponsored campaign in September 1944 to proclaim an independent Macedonian state also remained up in the air. The Germans wanted to use it to pacify the Macedonian territory, something that was becoming increasingly important because of their withdrawal from Greece. A number of Chetnik units were also active in northern and western Macedonia from the middle of 1942, and the following year these developed into several brigades and corps. Some of these units had an ambiguous attitude towards the Partisan resistance movement and in autumn 1944 crossed over to their side.

In spring 1941, following the withdrawal of German units, the Italians occupied almost the whole Kosovo and western Macedonia in the name of Albania, and through the annexation of this territory created so-called Greater Albania, which was of course entirely under Italian control. The Albanian nationalists were not satisfied with this and demanded that the Bulgarians cede them the city of Skopje too. From the linguistic point of view the Italian authorities gave the regions an entirely Albanian complexion. They accelerated the organization of the Albanian Fascist party and the founding of collaborationist units from among the local Albanian population in the form of village guards and border guards. These units also cooperated in driving out Serbian and Montenegrin settlers from the region. Similar incidents took place in western Macedonia. In September 1942 the Bali Kombutar organisation was revived in Kosovo. At first this functioned as a resistance movement, but owing to its anti-Communism and commitment to a Greater Albania it moved closer and closer to the Italian and, later, German occupying authorities, and thus eventually became a collaborationist organisation. The Second Prizren League, founded after the armistice with Italy and following the occupation of the region by the Germans, provided political and military support to the occupier in a similar way. The main collaborationist leader from Kosovo, Xhafer Deva, joined the Albanian National Committee, founded at the time, and later joined the Albanian government as a minister. The Germans speeded up the formation of larger collaborationist units to consist of Albanians from Kosovo. Thus at the end of 1943 the so-called Kosovo Regiment was formed and used to fight the Partisans in the neighbouring regions. In the spring of 1944 the Albanian Skenderbeg SS division was finally formed. It numbered approximately 7,000 men but had an entirely German command structure. From the point of view of German needs, however, the men were unreliable and later deserted en masse. The followers

of Xhafer Deva or members of Bali Kombutar were active in Kosovo even after the German withdrawal, with the result that the Yugoslav Communist authorities still had difficulties with them. Although, given the conditions in Kosovo, it is difficult to ascertain the exact number of different types of collaborationists, it seems reasonable to suggest that Albanian collaboration was the most numerous in the territory of the former Yugoslavia, since it involved the greater part of population.

As we have already partly mentioned, Serbia was divided into several occupation zones: Balka was annexed by the Hungarians, parts of eastern Serbia by the Bulgarians, part of Srem by the Ustashe Croats, while we have already discussed the fate of Kosovo. However, besides Banat the central and largest part of the Serbian land came under direct German military occupation, but later Hitler gave it a status with a severely limited administrative and cultural autonomy. For this purpose the Nazis found willing participants among the pre-war Serbian establishment. First the Council of Commissioners, headed by the former Minister of the Interior Milan Achimovich, became operational in May 1941, which failed to impress the Serbs and especially failed to ensure any result with regard to the repression of the increasingly stronger resistance movement. Therefore in August of the same year the Germans appointed Milan Nedich, a general who had a better reputation among the Serbs, as the leader of the so-called National Salvation Government. He was given certain concessions, especially at the lower administrative level. Furthermore, Nedich organised his own Serbian State Guard and was more active in opposition to the communist Partisans as well as Draga Mihailovich's Chetniks. He was also assisted in these efforts by the «separatist» Chetnik group of Kosta Pechanac, and especially by the leader of the pro-fascist movement Zbor Dimitrije Ljotich, who argued for Serbia as a future part of the Nazi «New Order». Ljotich also organised a military anti-communist formation, called the Serbian Volunteer Corps.

On the other hand, colonel Dra Mihailovich already undertook his resistance action in May 1941, and after the German attack against the Soviet Union the Partisans under the communist leadership also organised their resistance. Mihailovich was a legalist who later also became a wartime minister of the King's government-in-exile in London, while the communists had open revolutionary intentions, so they began removing the old authorities in their territory. In November 1941 the conflict between the Partisans and Mihailovich's Chetniks reached

a critical point and a kind of a civil war started. Mihailovich ordered his units to remain passive in relation to the occupiers, also due to extremely cruel retribution of the occupiers for any resistance operations. The communists ignored this and because in fact the future authority in Serbia (and Yugoslavia) was at stake, the severe fighting between the Chetniks and the Partisans continued. The Partisans were temporarily exiled from the western Serbia, while due to tactical reasons the Chetniks – at the presence of allied military missions – agreed to a partial collaboration with the occupation authorities, which was especially true of the commanders subordinate to Mihailovich in the Serbian territories under the Italian occupation.

Montenegro, which was also occupied by the Italians, had ever since the First World War been divided by quarrels among separatists, i.e. those in favour of independence (Greens) and pro-Serbian nationalists (Whites). The former welcomed the Italian occupation as a step towards the regaining of independence. At Cetinje, on 12 July 1941, their national assembly proclaimed an independent Montenegro as a hereditary monarchy under the ancient Petrovich dynasty. However, Prince Michael Petrovich refused the throne and so the King of Italy was forced to appoint a regent. The most prominent figure among the separatists was Sekula Drljević. All of this was however more or less symbolic, since shortly afterwards there was a popular uprising against the Italian occupier and the Communists soon obtained a monopoly rule in the new resistance movement. Although the first uprising was suppressed, the Communists grew in strength and began operating an extremely sectarian policy which was accompanied by the use of terror against those who were not favourably disposed to them. On the other hand this temporarily strengthened the Greater Serbian Chetniks led by Pavle Djurishich and there was also a rapprochement between nationalists and separatists. Be that as it may, a true civil war was raging in part of Montenegro at that time, and the presence of the Italian occupier was of merely secondary importance. In Sanjak and eastern Bosnia the Chetniks carried out a number of massacres of the Muslim population. Although some of the Chetniks were already collaborating with the Italians or Germans, the latter captured and disarmed them after the offensive in Herzegovina in the spring of 1943. After the armistice with Italy, Montenegro too was occupied by the Germans, who renewed support for Montenegrin self-rule, as shown by the founding of the National Administrative Council. At the same time they once again began supporting the Chetniks, with the result

that Djurishich was able to organise a Montenegrin volunteer corps of around 8,000 men. As the end of the war drew nearer, Drljević formed a kind of Montenegrin refugee government in Zagreb, but despite his ties with the Ustashe authorities he was unable to prevent the massacre of retreating Montenegrin Chetniks carried out by the Ustashe.

The most blatant example of the role of the ethnic factor in the process of dismembering Yugoslavia, and at the same time an example of the most extreme collaborationism and quislingism, is of course represented by the phenomenon of the so-called Independent State of Croatia (NDH). With the proclamation of «independence» in Zagreb on 10 April 1941, a form of, as it were, «authentic» collaboration found expression – collaboration willed and prepared in advance, which also had the character of a fifth column. In this way Hitler and Mussolini used Croatia as the main argument and the biggest «rock» with which to smash the Yugoslav state. They put the Ustashe in power in this satellite state – and it was not merely a question of pragmatic support and identification with current and concrete plans or actions of the occupier. Rather, there was almost total identification with the ideological and even racial objectives of Nazism. Since their beginning in the 1920s, when they were agitating against the «Greater Serbian» oppression of Croats – with the help and encouragement of Italy and Hungary – the Ustashe had developed from a small group of nationalist extremists into the liberators of the Croat nation and the holders of authority in a quisling state that was supposed to be the realisation of the authentic national aspirations of the Croat nation. In terms of its status, the NDH could be compared with another puppet state, the Slovakia of Josef Tiso. Under the treaty between Germany and Italy, the state fell into the sphere of interest of the latter, while in the military sense it was also partly occupied and from this point of view divided into several zones. The state was even supposed to get its own king – an Italian prince – but this remained a mere idea.

At the head of the NDH stood Ante Pavelić, called Poglavnik, surrounded by his main collaborators, the Doglavnici. But the state was not ethnically homogenous: if we ignore the Muslims, a third of the population consisted of the hated Serbs, not to mention the Jews and Gypsies. Under Pavelić's plan, the Serbian «problem» would be resolved in thirds: a third of the Serbs would be expelled, a third forced to convert to Catholicism and a third simply slaughtered. And in fact, in the first months of total chaos and lawlessness, there was such an outbreak of anti-Serb violence

that even the representatives of the occupying authorities were shocked. In the beginning the Croatian Catholic Church played a dubious role in this sense, but at least Archbishop Alojzije Stepinac protested against this policy. And thus among the satellite states of the time, the NDH also stood out for its practice of extreme racist and ideological violence, in its genocidal intent comparable only to the holocaust policy of the Nazi Reich itself. Although in the formal sense it was even a kind of parliamentary state, it were the Ustashe who had the final word in all spheres. The Ustashe militia (*vojnica*), which was thus a kind political, party army, functioned as the major police or security force. In this sense it was reminiscent of the Nazi SS, and not merely for its black uniforms; most of all, for its crimes in persecuting Serbs and exterminating Croatian Jews and Gypsies. The Jasenovac concentration camp has become a byword for the genocidal violence of the Ustashe, although it is true that the victims who lost their lives there can no longer be numbered in the hundreds of thousands, as was claimed in past for propaganda reasons. The NDH also had its own regular army – the *Domobranstvo* (Home Guard) – which however became increasingly unreliable with the changing fortunes of war, and many of its members deserted to join the Partisans. At the end of 1944 the Ustashe leadership therefore combined the remnants of the Home Guard with more reliable Ustashe units in almost 20 divisions, making up five Ustashe corps. A large gendarmerie also operated as part of the armed forces of the NDH. Pavelich even offered Hitler Croatian help in the direct battle against Bolshevism on the Eastern Front, and sent to Russia, as well as airborne and naval units, an infantry legion, which was then utterly smashed but not wiped out in the ruins of Stalingrad. Furthermore, the Germans formed three «legionary» divisions of Croat «volunteers» trained in Germany. These divisions took part in the fights against Partisans in the territory of the NDH.

A large number of Serbs took to the forests to escape the Ustashe violence, but only a part of these joined the Communist Partisan movement. Others, who organised themselves into Chetnik units, were used by the Italian authorities for their own ends, despite the objection of the Ustashe authorities, and in spring 1942 they were organised into the *Milizia Volontaria Anticomunista*. The Italians supplied them with food and weapons and in the course of time directed them against the Partisans, who were growing ever stronger.

NDH also included the territory of Bosnia and Herzegovina. Even before the war, the Muslims of Bosnia had functioned as

a special religious and also political entity. The Ustashe leadership proclaimed them a part of or even the «flower» of the Croat nation and apparently the traditional leaders of Muslims did not object to this status. Even the religious leader, the Reis-ul-Ulema Fehim Spaho, was initially very pro-Ustashe. Many Muslims joined Ustashe units and even took part in the crimes against the Serb population. The Serbs, however, struck back, and in eastern Bosnia Chetniks carried out massacres of the Muslim population. The latter found themselves in a difficult situation. They could see that the Ustashe authorities could not offer them effective protection and so began appealing increasingly frequently to the two occupying powers, first to Rome and then of course to Berlin. Under the tutelage of the Italians, units of a Muslim militia were formed, but these did not fight against the Chetniks. Rather, they were mainly used against the Partisans.

Within the NDH, despite their declared «Croatness», the Muslims did not enjoy real equality with the Croats, something that is also shown by the fact that they only had one or at the most two ministers in the Croatian government. A certain tension developed between Catholics and Muslims, whereupon the leaders of the latter, in early November 1942, sent Hitler a memorandum with demands for a special autonomous status for Bosnia within the NDH, which was beneath the direct protection of the Wehrmacht. They also requested the founding of special Muslim units, the basis for which they saw in the already operational Muslim legion commanded by Major Muhamed Hadeiefendich. Naturally, in deference to the Ustashe, the Germans could not comply with the request for Muslim autonomy, but the issue of Muslim military units was a different story. Heinrich Himmler showed a very warm interest in the Muslims – partly because of their common enemy – and did decided to form an SS division of Bosnian Muslims. In February 1943 Hitler gave the necessary order for the founding of the «Handschar» 13th Waffen SS Mountain Division (1st Croatian), after which the recruiting and training of Muslim volunteers began. They were joined by a few Croats and Albanians. This was the first SS division founded by Himmler consisting of non-Germanic troops. The response was good, although one unit of this division revolted while undergoing training in France. Following training in Germany the division was transferred to Bosnia, where it committed a number of bloody atrocities in the fight against the Partisans and the Serb population. The Germans recruited Husseini, the Grand Mufti of Jerusalem, to provide propaganda and religious support for the division, and thus linked

the ideas of the historical kinship and cooperation of National Socialism and Islam. In the new situation, however, the activity of the Bosnian SS division became unproductive and in August 1944 the Germans withdrew the division from Bosnia. Its members deserted en masse to the Partisans and Ustashe. With the result that the division as such actually ceased to exist. Nevertheless the Germans kept its name as a camouflage for other units, The never completely formed «Kama» 23rd SS division (2nd Croatian) experienced a similar fate.

At the end we should present a few data of the wartime fate of Slovenia, a little country in the far north-west of the then Yugoslavia, squeezed between Italy and Austria. In the latter of these countries the Nazis had been in power since 1938 and had further strengthened revanchist and annexationist aspirations for the northern part of Slovenia, citing the fact that Shtajerska and Kranjska had formerly belonged to the Austrian Empire and the existence of an economically powerful German minority. In the most extreme interpretation, the Slovenes in these regions were deemed to be merely Slovene-speaking Austrians or Germans. During the occupation itself, the German minority acted as a fifth column, while afterwards it became the most reliable support for the Nazi occupation regime. The basic goal of this regime was the destruction of the Slovene nation as a political and ethnic entity, and it therefore immediately erased all signs of Slovene presence – and thus neither expected nor wanted any kind of collaboration bearing a Slovene national stamp. It only permitted the collaboration of the local German population and of those Slovenes who renounced their nationality. The Hungarian occupation authorities in Prekmurje, in eastern Slovenia, acted in a similar way, with the same objective but with a slightly milder policy. There too, members of the Hungarian minority immediately took the path of collaboration, as did a small number of Slovenes who were already under Hungarian cultural and political influence.

In southern Slovenia, which was occupied by the Italians, events took a slightly different turn. Counter to international law, the Italians immediately annexed the so-called Provincia di Lubiana to the Kingdom of Italy, although in it they preserved the cultural autonomy and some of the administrative autonomy of the Slovenes. Only in this province did Slovenia continue to exist in the practical and symbolic senses. The province also represented a refuge for those fleeing the German occupation zone. A kind of administrative and even political collaboration thus took place

in the Ljubljana province, although this was in accordance with the provisions of international law and did not harm national interests. Representatives of all classes of the Slovene population participated in the advisory committee (consulta) of the Italian high commissioner. This body had very few powers and when, after the start of resistance campaigns, the Italians carried out extremely harsh reprisals against innocent civilians, the members of the committee began to resign and it lost all importance. Despite this, accusations of collaboration directed at its most prominent member, the former ban Marko Natlacen, could be heard both among the royal government-in-exile and among the Allies.

There was no pro-Fascist group in Slovenia and with the exception of a few individuals everyone was awaiting an Allied victory. The political elites and their successors organized illegal legions that represented the first beginning of the resistance movement. Also the organization of the first Slovene Chetnik movement began in the summer of 1941. But following the German invasion of the Soviet Union, the Communists and their left-wing allies mounted a resistance because of their international obligation towards the first state of Socialism. A sort of class tension began and frequent liquidations of members of the bourgeois camp increased tension among the Slovenes. The Communists began to refer to their Slovene opponents as the White Guard, which pointed to the terminology and of course the atmosphere of the days of the October Revolution. In some places this tension led to spontaneous resistance to the Partisans, which was exploited by the illegal bourgeois leadership with their legions, and on the basis of the tactical judgment that the rising Communist treat represented a greater danger than a temporary occupation, an agreement was reached with the occupying authorities to form village guard units for the purpose of self-defense. The Italians organized these formations and called them *Milizia Volontaria Anticomunista*. In the months before the Italian surrender in September 1943, there were bitter clashes between the Partisans and this Militia.

After 8 September 1943 in a brief, almost «pure» civil war, the Partisans then dealt with their bourgeois opponents and no leniency was shown to the prisoners. This was the basis for the continuation of political and armed collaboration with the Germans, who in the following weeks occupied Ljubljana province, Primorska and Istria. In Ljubljana they put in power Leon Rupnik, a former Yugoslavia general. By his and by decisive German help a new collaborationist formation was created from the remnants of

the former Militia and new volunteers: Slovensko domobranstvo or Slovene Home Guard. This reached an operational strength of 13,000 men and was more effective in fighting the Partisans than the Militia. At the end of the war the new Communist authorities dealt with these armed collaborationists and «counter-revolutionaries» mercilessly, and on a scale that cannot be compared to similar events around Europe. A similar fate awaited those Serbian, Montenegrin and Croatian collaborationists who found themselves in Slovene territory during the retreat.

It is clearly evident from all of above just how varied the picture of wartime collaboration was in the territory of Yugoslavia, and how indeed the multicultural and multiethnic structure at the state conditioned this variety. In some areas this caused chaos, with everyone fighting everyone, and at the same time a blurring of the boundary between resistance and collaboration. The latter appears in its «purest» and most genuine form in the case of the Croatian Ustashe within the NDH. It is also present for national and also ideological reasons among a large part of the previously Nazified German minority, especially in Slovenia. For national reasons, collaboration occurred immediately after the occupation among Albanians and some Macedonians, Montenegrines, Hungarians and Muslims. Nedich's Serbia represents, of course, a special case.

Counter-revolutionary opposition to the Communist Partisan movement leads to collaboration among the Chetniks, especially those in Montenegro and Croatia. This type of functional and tactical collaboration is particularly clearly evident in the central part of Slovenia. Naturally it should be said that some of the reasons and grounds that lead to collaboration can be perfectly legitimate and excusable according to their own internal logic. Here we have in mind above all the efforts for national liberation or the uniting of a specific nation or, on the other hand, defense against violence, be it of revolutionary Communist origin or of Ustashe or Chetnik origin. Here, however, the clearly tragic fact became apparent that within the general course of the Second World War, in view of the essential character of this war, it was not possible to successfully fight another little war – which in itself, as we have said, may have had positive objectives and motives – unless it was part of the main and, essentially, only possible war effort, i.e. the struggle of the Allied camp against the Nazi and Fascist aggressors until final victory was achieved. This is also shown by a number of similar cases in Eastern Europe. Despite certain revisionist relativisations, reasonable to a

certain extent, the fact remains that the Second World War was started by the Fascist (Nazi) camp because of their imperialist and also ideological or even racist aspirations, and that victory over them was essential for the further existence of democracy and the «normal» development of humankind. The fact that the Communist Soviet Union participated in this war on the Allied side, and that following victory it subjugated Eastern Europe in various ways does not, in our opinion, significantly affect this assessment.

This is also important in the light of developments in Yugoslavia, where – contrary to Moscow's instructions – the Communists exploited the resistance movement for their own revolutionary plans and the seizure of power. They were, however, the only group within the movement to bring together all the recognized and unrecognized nations in Yugoslavia, and thus for many people, given the bloody history of the Balkans, they justifiably seemed the most rational and, indeed the only choice. With regard to the Communist regime that forecast for Yugoslavia, in as early as 1943, the British Prime Minister Winston Churchill and his envoy Fitzroy MacLean stated, slightly cynically, that they had no intention of living in Yugoslavia after the war. Facing the post-war reality of Yugoslavia in fact lay on the shoulders of the Yugoslav nations or peoples, where it might be said that even now in 2010 we are not convinced that all problems deriving from this reality have been resolved.

**Страницы истории Второй мировой войны.
Коллаборационизм: причины и последствия.**

Материалы научной конференции.

Москва, 29 апреля 2010 г.

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции

(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул.Б.Полянка, д.7/10, стр.3

(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 01.06.2010. Уч. п. л. 8,25

Формат 60х⁹⁰/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 1 000

Заказ №

Отпечатано в «ИПК «Знак», г. Москва

